

ШЕПОТ

Влада Ладная

Шепот

<https://litres.ru/74288862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даринку в деревне называли по-разному, да только не в глаза. Страсть как боялись ведьминской внучки.

Так и жила с бабкой, в избе на отшибе. Пока однажды толпа не решила, что ведьме место на костре. Забрал костёр родимый дом, любимую бабку и силу колдовскую вместе с ней.

Теперь у чернавой одна дорога — Плакальщика отыскать, что умеет с мёртвыми водиться, да только люд баяет, что извелись те со свету давным-давно.

Да только мочи нет, как руки зудят оборвать жизни тех, кто учинил самосуд над бабкой. А значит, сиганёт Даринка в Навь за Плакальщиком, а если надо — и в проклятый бор сунется. Лишь бы у мёртвой бабки силу перенять да расправу учинить.

Содержание

Пересуды	4
Плакальщики	9
К добру или худу?	16
Самосуд	25
Бабкина шкатулка	31
Ельник	40
Торговый тракт	45
Выцветший платок	51
Яснобор	59
Зорка	68
Ветряки	76
Своя цена	91

Влада Ладная

Шепот

Пересуды

Месяц липень выдался знойным, жарким. Оттого трудиться в полях было нелегко. Ярило жгло пуще прежнего, но это было к добру. Урожай будет богатым, а зима сытой. Надо только перетерпеть зной, а потому люд с особой заботой уходил в домашние дела. Кто-то пас скот, кто-то хлопотал в огороде, а кто-то с головой уходил в свое ремесло. Одна только Даринка ходила как неприкаянная. К общему труду ее не привлекали — кровь у нее дурная. А все потому, что она родня Яде, злобной старухе, живущей на окраине деревни. Страсть как не любили бабуку. Нрав у нее был омерзительный и глаз дурной. То молоко у козы пропадет, ежели возле ее дома травку щиплет, то у кого ячмень на глазу вскочит, если про бабуку дурно скажет, то тени на ее пороге скачут и по ночам воют. Страшна была старуха, но гнать не гнали. Еще накличет беду на деревню Пестрянки, потому терпели, и Даринку не обижали, а все равно близко не подпускали. Сызмальства родичи отрокам вбивали в голову: «Эту избу другой дорогой обходи, да к чернавке не лезь, беду накличешь!» Дарина об этом, признаться честно, жалела. Она-то не ви-

новата, что у бабки глаз дурной, но ее в этом не винила. А все же на вечерки страсть как хотелось попасть, да песни у ручья с подружками спеть, пока белье полощешь. Только не было у нее подружек.

Потому, когда Даринка с остервенением дергала очередной сорняк с грядок, услышав отголоски девичьего пения, побежала к реке. Не чтобы белье прополоскать, а чтобы послушать новые сплетни Пестрянок. Девушка пробиралась к реке околицами, чтобы на прямой дороге ее не заметили. Счастье, что до реки идти меньше лучины. К тому времени, как она добралась до пышных кустов малины, росших неподалеку, молодки закончили песнь и перешли к пересудам.

– На что угодно спорю, – фыркнула Ладна, девушка с самой густой косой в деревне, – разродится Светла до темна. Не может же она второй день от бремени мучиться.

Светла — вторая жена старосты. Первая умерла при родах, забрав с собой и душу младенца. Долго Бажен, староста Пестрянок, хворал, только Светла, кузнецова дочь, и подняла на ноги мужичка. Влюбилась девка в мужика, старше ее вдвое. Да только чувствам не прикажешь. Женились по большой любви.

– А может, ее сглазил кто. Девка-то видная, ладная, – сплюнув через плечо, запричитала Забава, толстощекая дочь здешнего купца.

– Знамо кто сглазил, – засмеялась Ольга, самая желанная невеста всей деревни. Кто только к ней свататься не прихо-

дил — все отворот-поворот дала. Никак принца ждет. — Да только не ее, а Бажена, — девица понизила голос. Даре пришлось еще на пару шагов ступить к реке, едва не показавшись из колючих кустов малины. Она колола и дергала волосы, но тут уж не удержаться: интересно, что в деревне творится. Яду они веселят, а Даринке — что глоток свежего воздуха. — Мне мамка сказала, по секрету, что дочка старухи, Голуба, к Бажену по молодости бегала. Он и сейчас мужик красивый, а раньше, наверняка, любо смотреть было.

— Врешь! Не могла твоя мамка такого знать, — покраснелась Лада, а сама ажно белье полоскать перестала, заслушалась.

— Как ей не знать? Она с дядькой Баженом в одном дворе росла. Как сестра ему, — нахохлилась Ольга, придавая себе значимости. И правда, ее семья одна из самых близких старосте, не по крови, а по духу.

— А дальше что? — Забава закатала намокшие рукава и сложила мокрое белье в плетеную корзинку.

— А что дальше? Почуял наш Бажен в Голубе ведьминское нутро, да огрел кочергой, когда та к нему в постель голая прыгнула, — хохотнула девица. — Поди, прикинулась кошкой, да шмыгнула в дом незамеченная, а потом обратилась обратно, да оседлала его.

— Стыд какой рассказываешь! — молодки закрыли лицо руками, уши покраснелись, аж про белье позабыли.

— Стыд-то стыд, а то ведьмина кровь. Потому-то Яда и

возненавидела старосту, озлобилась, все со свету сжить хочет, — закончила свой рассказ Оляха.

Дарина сидела в кустах не шевелясь. Не слышала она такой враки раньше. Много говорили, но чтобы так — и не боясь бабкиного сглаза... Ох и осмелели курицы. К щекам девицы прилила руда, руки затряслись, а все же слушать продолжила. А ну как ценное что выудит из новых сплетен?

— А я слышала, — привлекла к себе внимание Ладна, — не от мамки, конечно, а от тетки Здравы, что Яда совсем ополоумела, когда Голуба разрешилась, да померла. А по ней и плакать никто не стал. Даже плакальщики не пришли, чтобы душу проводить. Потому что нет у ведьминского рода души, давно навь сожрала.

— Хоть бы Светла не померла, — вздохнула Забава и переплюнула через плечо.

У Дарины аж от обиды зубы свело. Светлу любили потому, что в почтенной семье родилась, а ее мать чем хуже? Да наверняка жила она, как Дарина сейчас. Тень живая, призрак из плоти. Ненужная, нелюбимая, бестолковая. Одна Яда у нее и есть.

А разговор меж тем продолжался. Запричитали курицы о женской доле, в тяжести ходить да детей зачинать. Обычно Даринка любила послушать девичий треп, но в этот раз он стал невыносим. Столько огня в груди развелось, что невыносимо терпеть стало. Вышла девица из кустов малины.

— Да... Дарина, — осип звонкий голос у Ольхи.

– А мы тут белье... вот, – зашептала Ладна, прижимая к груди мокрые тряпки.

Затряслись, взбеленились, даже на ноги не поднялись. От страха не смогли. А Дарина смотрела сверху вниз, в своем залатанном сарафане с кривеньким карманом, с взлохмаченной черной косой из-за шипов малины. Щеки пылают, брови хмурятся, а ладонь сжалась в твердый кулак. Как бы не ударить кого.

– Как бы, – сжав зубы, процедила чернавка, – Лихо ненароком запрыгнуло Светле на пузо, да когтями чрево не разорвало до смерти, – она протягивала каждое слово, смакуя, наслаждаясь тем, что может причинить хотя бы такую боль.

– Ведьма! – толкнула ее в грудь Ольга. Дарина аж равновесие потеряла и кубарем в куст обратно свалилась, больно расцарапав лицо. А девицы с визгом побежали прочь.

Гадючий ком подступил к горлу. Уж она еще всем докажет, что ни бабка, ни Дара, и уж тем более Голуба поругания не заслуживают. Кто виноват в том, что рождается косой или немощный? Уж никак не сами бедолаги. А когда Яда передаст свою колдовскую силу Даринке, тогда она всем докажет, что не губительна сила ведьминская. Все в деревне будут к ней бегать, в ножки кланяться, о помощи просить. И вот тогда Дара всем все припомнит.

Плакальщики

Дневной жар постепенно сходил на приятную вечернюю прохладу, когда Дарина пришла домой. Несмотря на то что солнце еще не село, в избушке уже было темно. Здесь редко бывало светло — чаще царствовал полумрак. В каждой тени ощущалась возня: не то мышей, не то анчуток. Иной раз и не поймешь, кто именно скребется.

Пусть с бабушкой они жили вдвоем, ощущение одиночества никогда не появлялось. Дара часто ловила на себе взгляды, от которых волосы на затылке вставали дыбом. Присутствие кого-то еще в избе было беспрестанным. К этому девка сызмальства привыкла, а вот к редким встречам с бабушкиными подручными — нет.

Когда Дарина затворила за собой тяжелую дверь, Яда даже не вздрогнула. Старуха как спала в самом дальнем углу, так и храпела на скамье, прикрываясь горой старых шалей. Бодрствовала она в основном ночью, ложась спать под самое утро. А из-за больных ног и вовсе перестала выходить из избы, за редкими исключениями.

Оттого все хлопоты по дому легли на Дару, но ей то было не в тягость.

Затопив печь, она вышла во двор за водой.

Уходящие лучи солнца бросили свет в бадью. В отражении Дарина разглядела мелкие, но кровавистые царапины на

загорелом лице. Из-за темных, почти черных глаз волосы казались почти что угольными.

Девка заправила выбившиеся пряди за уши и потуже завязала шнурок на шее с продетым в него желудем. Это был один из самых ценных подарков от бабушки — заговоренный от проказов нечисти.

Когда-нибудь и она научится делать такие. Но пока Яда не передавала свою силу, внучке оставалось лишь учить грамоту да хлопотать по дому. Читать Дарина не особо любила, но бабка настаивала — путь к счастливой жизни лежит через знания.

Пока девка варила щи, из головы не выходила картина: голубоглазая женщина с ячменной косой в объятиях рыжего, поджарого мужчины.

Голуба и Бажен.

Дарина вдруг вообразила, что, может, он и вправду любил ее мать, а все остальное — брехня. Может, он ее отец, да признать не хочет?

Обида уже поднималась в груди, но тут вмешался голос Яды из недалекого отрочества: «Глаза у матери твоей были голубые, как небо, а светлые косы — всем девкам на зависть».

Вот досада. Даже Бажена не обвинить. Некуда выплеснуть злость.

Дара резанула картофель с такой силой, что лезвие расколо ладонь. В тених тут же раздалось жадное улюлюканье,

скрежет крохотных коготков стал слышен отчетливее.

— Чевой-то у тебя с лицом, егоза? — из угла донесся скрипучий голос.

Яда приподнялась на скамье, схватила клюку и с силой ударила пол. Разом воцарилась тишина. Ее серые, жесткие волосы свисали почти до колен, но они не были лохматыми, скорее неухоженными, затянутыми в жиденькую косу. Зато подслеповатые глаза всегда светились каким-то навьим блеском.

— В малинник упала, — шмыгнула носом Дара, стараясь удержать накатывающиеся слезы.

Последняя картофелина полетела в горшок.

— Вот девка бестолковая, — заскрежетала Яда. — Меня ноги не держат, а тебя давно ли?

Она проковыляла в угол, где хранились травы, книги и лучины.

— На-ка.

В ладонь внучки легла влажная тряпица с терпким запахом.

Дарина уселась на место, где только что спала бабушка, подтянула ноги к себе и уставилась в окно. В темные углы она нарочно не глядела — не всегда приятно видеть то, что там таится.

— Ну, — Яда разложила травы на столе, — чевой пыхтишь, как еж? Выкладывай.

Тусклые глаза смотрели на внучку, а руки продолжали мо-

лоть травы в ступке.

— Бабуль, скажи, как на духу... Отец мой есть в Пестрянках или он не здешний?

— Ктой-то тебя на такие думы навел? — пробурчала старуха, жуя губы.

— Я сама думать люблю, — фыркнула Дарина. — Так он здешний али нет?

— Тьфу ты, коза... — сплюнула Яда. — Напраслину думаешь. Пошла бы лучше грамотку учила.

Она понюхала баночки.

— Помру — как жить будешь, неучем? По миру пойдешь. Дарине пришлось взять книгу. Читать она начала нехотя — слова были простые, а смысл не шел, поэтому она притворилась читающей, а сама прислушивалась к бабкиной возне.

— А насчет отца... — вдруг продолжила Яда. — Кабы знала, кто он, давно бы наведалась. Али сам бы дорогу нашел.

Она хрипло усмехнулась.

— Потому не верь вракам. Меня вон ведьмой кличут. А кабы я ведьмой была — колени б не болели. А знашь почему?

Дарина улыбнулась.

— Потому что заговор бы нашла, да скакала б как молоденькая козочка!

По избе прокатился смех — звонкий и хриплый. В тенях возня стихла.

Как же любила Дара бабкино ворчание — уютное, родное,

как шелест листвы в лесу. Вроде слушаешь его и не замечаешь, а как замолкает, и уже беспокойно. Так и в этот раз, бабушка начала ворожить, а душа внучки все маялась.

— Бабуль... ты же ведьма.

— Кто тебе такое сказал? — не то кашлянула, не то засмеялась бабка, а тени меж тем удлинились, почти касаясь самой Яды.

— Кому как не ведьме с мертвыми говорить...

— То былички. На то плакальщики были. Их дело с мертвецами дружбу иметь, а наша ворожбу творить.

— Они и сейчас есть! — оживилась Даринка, нутром чуя свою неправоту.

— Шелуха это, — отмахнулась Яда. — Настоящих давно не стало. Извелися все.

Дарине вспомнился рыбак Грий, который умер три весны назад. К ним в дом созвали по меньшей мере семь плакальщиков. Трое мужчин и остальные женщины. Они были несколько ночей кряду. Сначала, пока того готовили в последний путь, потом когда несли к погосту и после — долгие-долгие ночи. Дарина с ним не зналась, но любую душу жалко. Оттого и самой тоскливо делалось, а от рыданий и вовсе не по себе. Одна Яда да нечисть были веселее в те ночи, сил им будто добавилось.

— Настоящий плакальщик, — продолжала старуха, — чуёт уход человеческий, держит его за руку до самого конца. При жизни ведет его к Моране и в посмертии руку его не

отпускает, пока не вложит в костлявую ладонь госпоже. И смерть тому человеку приходит облегченная, спокойная. И близкие люди еще очень долго могут держать связь с родичем, — продолжала старуха. За окном почти потемнело, по спине Дарины прошлись мурашки.

— Как связь держат? — по спине прошлись мурашки, будто холодной водой окатили.

— А поди разбери, как они енто делают, — жевала старуха губы. — А бывало так: помер мужичок, а жена одна осталась, схоронила мужа, да к плакальщикам бежит. Весточку передать, мол любит, скучает, мается без него, а тот все и передай муженьку-то покойному.

У Даринки холодок по ногам прошелся, будто сквозняк по избе летает. Жутко оно, с покойниками говорить, а бабка продолжила.

— А через седмицу, другую, приходит плакальщик, да говорит, мол в погребке, за капусткой, в перчатке кузнечной, мелочь лежит. Кака-никака помощь. Пусть берет да новую жизнь начинает, с другим уж, — Яда сморкнула в руку, обтерла о тряпье свое старое и закончила: — Вот оно как было, внучка.

— И где такого найти?

— А нигде.

Яда поставила миску с молоком под лавку. В тени мелькнул кошачий череп — и пропал.

— Но кой-чего я знаю, — усмехнулась она. — Читала их-

ние рукописи-то.

Дарина пискнула как мышь: страсть как любила она следить за бабкиной ворожбой, а если та делилась секретами, то ловила каждое слово, надеясь в будущем превзойти все ее колдунства.

К добру или худу?

Из заглавника старуха достала книгу и вручила внучке.

— Вот тут все ихние секреты. В письменах.

Дарина открыла потрепанную книгу, она была исписана бабушкиными рецептами, а из середины выпала пара страниц, сильно отличающихся от тех, что есть в книге. Сразу видно, не родные.

— Что это? — Дара заметила и различие в почерке. Бабка писала убористо, мелко, а эти же буквы были точеными, широкими и размашистыми. Такие письма читать еще сложнее. Девка привыкла только к бабушкиному почерку.

— Тама записи одного из плакальщиков. Конечно, он уже душу свою давно Моране отдал, страницам то сколько годов... Старше тебя и меня будут.

— Откуда у тебя они? — Дарина зажгла лучину, чтобы тотчас прочитать содержимое. Темные глаза забегали по строчкам в поисках знакомых букв.

— Получила за ворожбу, — закричала Яда, — в юные годы хотела отыскать хотя б одного такого, настоящего, да женская доля по пути встретилась, — как-то тепло улыбнулась старуха, вспоминая не то дочь, не то возлюбленного.

Старуха до знаний была жадной, то прививала и Дарине. И пусть пылкость ума передалась ей от бабки, но желание грамотку учить было до сего момента слабым. Яда усмехну-

лась, когда внучка жадно вперилась в текст рукописей.

Месяц Цветень Я стал замечать, чем дальше я иду к концу, тем больше меня тянет в мое начало. Мне кажется, что пора вернуться туда, где мертвые говорили со мной громче и неистовее. Сколько времени прошло, кто считает? Я уже не помню имени матери и были ли у меня братья? Какой была их жизнь? Но я все еще помню, как нежилыцы молили не отпускать их руку. Как страшно им было уходить, но как благостно пасть в объятия Мораны. Как же давно ты не приходила ко мне, я по-прежнему нуждаюсь в твоём благословении, матушка...

Дарина сожгла целую лучину, чтобы прочитывать несколько строк. Если разум тяготила витиеватость почерка, то душу бредила незримая тоска. Только сейчас Дара задумалась, как же тяжело жилось самим плакальщикам. Смерть сама по себе печальна, но рано или поздно ты с ней столкнешься. К ней не бываешь готов, но она неизбежна. А они... живые люди, обрекающие себя на жизнь со смертью. Были ли у них свои семьи? Как они жили? Дарине представились седобородые старцы, такие же, как их сосед Зуй, чья борода белее снега. Плакальщики в ее виденье ходили в серых балахонах в пол, от них пахло полынью. Ей виделось, как мужчина держит на руках женщину с большой раной на груди. Женщина стискивала его пыльный серый плащ и не могла вздохнуть. Грудь сдавливало, каждый глоток воздуха становился скуднее и скуднее. Сейчас она задохнется, но не женщина из сна,

сама Дарина.

Она распахнула глаза, но увидела вокруг лишь мрак ночи. Лучины погасли, только свет луны проникал за окно. Девка лежала на спине, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. На груди у нее сидело животное с облезлой шерстью, а вместо морды — белый кошачий череп с клочками черной шерсти. Оно давило мелкими, но тяжелыми лапами на грудь. Дарина зажмурилась, жадно хватая воздух. Сердце начало гнать руду, бешено колотясь раненой птицей. Пустые глазницы домового вперились в бледное от удушья лицо Дары.

— К... к добру или к ху... худу? — прошептала девка.

Животное что-то зашипело и исчезло. Грудь тут же наполнилась воздухом, а тело приобрело легкость. Дарина резко прыгнула с печи, на которой уснула во время чтения. Ноги все еще были ватными, но наваждение быстро спадало. Потерянная, она набрала воды в ржавый ковш.

— К добру или к худу? — донеслось из темного угла. Впотьмах Дарина ничего не видела, кроме груди черных шалей. Старуха не сводила с нее взгляд, будто видела в темноте гораздо больше, чем при свете.

Сердце, все еще колотящееся бешеной птицей, подсказало ответ.

— К худу, — еле слышно сказала она, но до ведьминоного слуха дошел ответ.

— То, что должно, всегда случится, — Дара была уверена, что бабушка улыбается, но в темноте было не разглядеть ее

лица. — А раз уж ты не спишь, принеси-ка воды с колодца. Да смотри, на глаза не попадайся.

— Дурная примета воду из колодца по ночам набирать, — замялась девица, все еще ощущая на себе взгляд хозяина дома.

— А ты не верь в дурные приметы, внучка, — закричала старуха, поворачиваясь на бок, спиной к Дарине.

К бабкиным причудам Дара привыкла с детства. То полынь нужно нарвать на третий месяц после рождения теленка, то кровь петуха собрать, после того, как ему голову отсекут, или вовсе заговоренный нож в пень воткнуть, да забрать через пару лун. Все это она делала легко, но только тогда, когда знала, что ее никто не увидит. Ни к чему лишние пересуды да домыслы. В этот же раз идти совсем не хотелось. И домовый ведал, что говорил. От воспоминания о недавней встрече Дарину передернуло. Конечно, она знала, что бабушка давно водит дружбу с анчутками, видела даже их редкими временами, и с домовым тоже сталкивалась не раз. Но ни один из них не был приятным. Наверняка от того, что не ей они служат, потому и пугают ее до жути. Вот когда будут ее служками, тогда и страх уйдет, а пока она потерпит.

Девка околицей дошла до центра деревни. Никого не видать. Стиснула ведро да пошла набирать. Летняя ночь несла желанную прохладу. Нежный ветер трепал черную длинную косу, легонько касаясь впалых щек. Прикосновение едва ощутимое, но именно такое она себе и представляла, ко-

гда грезила о мужских объятиях.

Как-то ночью, когда она шла за березовым мхом, недалеко у реки сидела Ладна с сыном кожемяки, Ильей. Как же парнишка смотрел на девицу, а как грубые пальцы касались пухлой щеки. Была в этом жесте великая нежность. Как же тогда Дарина захотела оказаться на ее месте, чтобы также приголубили, не побоялись коснуться. Но не было у нее в деревне друга. Ее не то что задеть, взглянуть-то боялись, да не только бабы, но и мужики.

Не ощутить ласки мужской — так хоть ветер приголубит, думала она, пока шла с тяжелым ведром наперевес, воображая лицо Ильи, такое близкое к ее.

Только на обратном пути Дарина заметила, что все больше людей выходит из домов и собирается в небольшие толпы. Девка мышью забежала в кусты, лишь бы не попасться на виду. А ветер донес обрывки фраз.

— Чудом спаслась... — бабка Верея вытирала глаза платком.

— А старосту-то как жалко, — подхватила тетка Марья, жена кузнеца.

— Не жить нам спокойно, пока нечисть на нашей земле живет, — сжимая крепче молот да натирая его до блеска, вспылил Ждан. Не узнавала Даринка кузнеца таким. Ко всем добр был.

Загорелись факела, один, второй, третий, и у дома кузнеца собралось не меньше двух дюжин мужиков и несколько

склочных баб. По спине Дарины прошел холодок. Не могли они о бабушке говорить, скорее так, домовой где распоясался или полуночница ребенка уволокла. А шепоток в голове навязчиво твердил: «Беги!»

— А может, не она все-таки? — спросил старый Зуй, со всех ног догоняя резвого кузнеца.

— Мне сразу Ладна сказала, что Светла в беде, а я не поверил, — в толпе Дара заметила и Илью с дровами в руках.

— И моя Забава в слезах домой прибежала, — замахала руками Желана, мамка Забавы.

— Все девки наперебой галдели, что ведьма смерти желала Светле, — пробасил отец Ольхи, перехватывая поудобнее здоровый пучок сена в руках.

Дарина бросила ведро и побежала к избе, по околицам, по кустам и густой траве. Лишь бы не заметили. Быстрее все сказать бабушке. Вместе они что-то обязательно придумают. Надо будет, анчутки на защиту встанут, а если совсем тяжко, уйдут из деревни. И пусть ноги у бабули больные, Дарина сама ее понесет. И дом сама построю, и домовой поможет. Он их не бросит. И чем быстрее она бежала, тем сильнее плыло перед глазами. Дара не видела дороги, неслась сломя голову, пока не врзалась в мужицкую спину. То стоял дровосек Люб на стрёме.

— Здесь Дарина! Я поймал ее! — крепкий хват грубой ладони поднял девку на руки и потащил к злой толпе.

— Илья, держи крепко. Желана, неси веревки. Да не гал-

дите вы!

Дарину кидали из одних мужских рук в другие, а она брыкалась и кричала.

— Я шла за водой, только за водой! — по щекам текли слезы, а воздуха все не хватало. Как же они мне поверят?

— Ну-ну, за водой она шла, — Марья схватила Дарину за косу, дергая со всей силы. — По бабкиному поручению в дом старосты бегала, мерзавка? — она плюнула в заплаканное лицо.

— Мы сидели дома, клянусь, весь вечер, — выла Дарина, пока ее связывало несколько рук разом. Запястья заныли от пеньковой веревки, та до крови впилась в запястья.

— На воре и шапка горит, — закричала Ольга.

Голова зазвенела от боли, а щеку обожгло, будто крапивой. Ольга наотмашь ударила девку по лицу.

— Не блажи, детей разбудишь. А ну-ка, Назар, — выискивая в толпе брата, свистнула девица, — дай-ка ножик.

Дарина забрыкалась, завизжала. Где же сила, которая течет в ее крови? Почему бабушка не передала ее? Как ей защититься? Бестолочь, ни заговора, ни анчутки на служках, одну только грамотку знаю.

— Люди добрые, не чинили вам зла. У бабушки ноги больные, она давно не ходит. А я даже ворожить не умею, пустите, — все выла Дара от бессилия.

Голову кто-то дернул. Коса натянулась, и она услышала треск. Тетка Глая, та самая, что иногда продавала молоко

Дарине, срезала черную длинную косу и завязала ей же рот.

— Я своими руками вам, душегубицам, молоко отдавала, а вы что?! — безумными глазами смотрело на нее до боли знакомое лицо. Сердце почти выпрыгивало из груди. Что же они сделают? Утопят, сожгут? Она умрет сейчас или увидит перед смертью лицо бабушки? Слезы текли по щекам, затекали в нос и щипали разбитую губу, а голова все гудела, как пчелиный рой. Толпа вела ее к дому и меж тем переговаривалась:

— Бедная Светла. Никогда ей больше не выносить дитя. Вместе с чревом игоша вышел. Сама видела, — всхлипнула какая-то молодка.

— Не видать наследника Бажену, тьфу-ты, — сплюнул Ждан под ноги.

— Лишь бы Светла ночь пережила. Такая выпала на нее Недоля.

Бабушка, что же это? Накликала беду я, а судить тебя идут? Что же глупая не рассказала все сразу. Уж бабушка-то придумала бы что-нибудь. Как теперь быть?

Дарина снова взывала раненой волчицей, да слов вымолвить не смогла — ее же коса туго затянута на затылке. И только черные, криво подстриженные волоски лезут в заплывшие глаза.

Толпа с факелами довела ее до самого дома и привязала к оградке небольших грядок. Может быть, у нее даже хватит сил освободиться, пока бабушка объясняет, что это не по-

винна, что все ошибка. Но никто даже не постучал в дверь. Люди только складывали дрова да сено вокруг их небольшой избы, а затем все подожгли, подперев дверь поленом.

– Стойте, не по-людски-то поступаем! — зывал вместе с Дариной старик Зуй, но никто его уже не слушал.

Самосуд

Пламя не хотело заниматься. Конечно, не сможет — ведь дом охраняли нечистики. Сколько их ни жги, а они сильнее живого огня. Дара воспряла духом. Пока на нее не смотрели, она со всей силы дернула ограду, чтобы вырваться и бежать в дом, под защиту. Но люди разбили слюду в избе и кинули внутрь горящее сено. У Дарины перехватило сердце, она замерла. Не может все закончиться так.

Какое-то недолгое время стояла тишина, а поленья вокруг дома медленно разгорались. Пламя жадно жрало деревянные стены и покатую крышу, а затем и из окна повалил густой дым. Звонящая тишина, а за ней — визг, нечеловеческий, страшный, руда от него стыла в жилах и волосы на загривке вставали дыбом. Толпа отпрянула от избы, но лишь на пару шагов. Переглянулись односельчане, увидели уверенность в глазах друг друга, потому в бегство и не обратились. А за дверью послышался стук, сначала тихий, едва слышимый за треском, потом такой сильный, что дверь бы выбило с петель, не подопри ту поленом.

– Ведьмина кровь, — прорычал Назар.

– Туда и дорога им всем, — сплюнул Илья.

А Дарина рвалась, резала руки в кровь, тянула ограду, выла. Истошно кричала, лишь бы бабушка услышала. Но что там бабушка — даже рядом стоящие люди не слышали. Не

могла она не успеть, не бывает такого! Бабушка обязательно придумает способ выбраться, она же ведьма. Дара всхлипнула, представив мечущуюся от ужаса Яду. А ведь у нее больные колени, без клюки едва ходит. Но там анчутки, бабкины служки, всегда ей помогут. Однако бабушка так стара и слаба. Где же ей взять сил на защиту?

Толпа не расходилась. Кто-то присел на корточки. Кто-то закурил лучину. Кто-то уже обсуждал завтрашний сенокос. Смертельная усталость читалась на одних лицах, на других — дикое ликование. А огонь меж тем пожирал всю избу. Языки пламени тянулись из окон и крыши. Никто не решался подойти к избе, а Дарина смотрела, выжигая глаза солеными слезами. Руки ее окаменели, ноги свело от страха, а в животе появился ком, тугой и сильный, не дающий дышать.

Глупцы и слепцы! Бабушка ведьма, пусть и старая. Сейчас изба прогорит, вы откроете дверь, а там Яда. Дара уже знала, как она с ними расправится. Анчутки раздерут всех, а Дарина будет ликовать, плясать на их обглоданных костях.

— Что происходит? — в толпу ворвался мужчина. Девка не сразу поняла кто это.

— Дядька Бажен, теперь ты свободен от проклятья, — ответил Ждан.

— Мы отомстили за вас, батюшка, — в легком поклоне сказала Марья.

— И за Светлу, — закивала Ольга.

Глаза старосты округлились. Мужик подбежал к остат-

кам избы, охваченным пламенем. Замахал руками, оттолкнул Назара. Затем его взгляд встретился с Дариной — связанной, беспомощной, с отрезанной под корень косой и заткнутым ртом. Бесконечно уставший староста, вновь потевший ребенка, а то и жену, устало протер глаза ладонью.

— А эту за что? — мотнул он головой в ее сторону.

— В кустах нашли, пряталась, ведьме донести хотела.

— Наверняка и сама волшебку творила! — завизжала Забава, вцепившись в локоть Ладны. Та кивнула, не глядя на Дарину.

А Дарина не отвечала и даже не смотрела на них. Она жадно пожирала избу взглядом, дожидаясь, когда огонь уйдет и бабушка встанет из пепла.

Ну же!

Но когда огонь сожрал все, а стены повалились, наверняка завалив печь, уже теплился рассвет. Жар от костра и утренних лучей Ярило окрасил щеки людей в красный. И только одной Дарине было холодно. Ее била дрожь, бабушка все не выходила.

— Батька, мы ж за тебя ведьму-то, — указал в сторону пепелища Назар, тупо глядя на Ждана.

Люди порядком устали ждать, когда все прогорит. Какая-то часть даже ушла по домам. Так даже лучше. Так бабушка успеет расправиться с оставшимися.

Староста слегка подтолкнул мыском тлеющие балки, локтем толкнул почерневшие остатки двери — и те упали с петель. Девка не видела, что было дальше. Люди загородили

все. Долгая тишина наступила, ужасная и тягучая. Дарина все ждала крика ужаса и мольбы о пощаде. А вместо этого пронеслось облегченное аханье и радостное улюлюканье. Мужики и бабы расступились. Несколько обугленных человеческих костей рухнули на маленькие грядки, рядом с капустой небрежно бросили черный человеческий череп.

Какой же он маленький. Бабуля была такой хрупкой. Когда она успела так сильно постареть? И в какой момент у нее начали болеть ноги?

Дарина всхлипнула, не отводя взгляд от останков.

— У них ещё и кот был, — хмыкнул Илья, вытирая закопченные руки о штаны. — Вон, череп его.

Пожалуй, эту голову она узнала бы везде, разве что она стала полностью черной и лысой, а совсем недавно была беленькой с черной шерстью. Черепок кинули туда же, в пепел, где и нашли.

Дара поджала колени и ткнулась лицом в ограду. Последний кусочек дома. У нее не было сил выть, горло сильно саднило, а рук она давно не чувствовала. Кровь на запястьях запеклась.

— Что же вы меня не дождались, — сетовал Бажен, — самосуд тут устроили!

Мужчина свирепея от злости пнул качан капусты с грядки.

— Не было покоя от ведьмы, батюшка, — всхлипнула Ладна.

— Всех бы она тут извела, — согласился Назар.

— Мы-то терпели, но тебя да Светлу в обиду не дадим, — мужик, который поймал Дару, подбадривающе похлопал старосту по плечу.

— Ну, а с этой что делать? — тяжелый удар пришелся по ребрам, глаза распахнулись.

— Совсем вы не разобрались, — все еще сетовал староста так, будто поколотили провинившегося мальчишку, а не сожгли дом с живым человеком внутри. — Ну!

Бажен впервые взглянул на девку так близко. Губа в крови, глаза опухли, а коса, длинная и черная, обмотана вокруг смуглого лица. Он аккуратно освободил рот, ужасаясь увиденному. Его кустистые рыжие брови сжались на лбу в одну линию, каждого оглядел Бажен — с ненавистью или с ужасом, так и не поняла Дара. Все столпились вокруг них.

— Твоя бабка ведьмой была, все это знают! — закричала тощая старуха, бабка Нежа.

— Все знают, что ворожила ведьма!

— Да, да! — закивал Илья.

— У меня молоко Муркино постоянно кисло, когда мимо вашей избы ходила! — завывла тетка, пряча лицо в мясистых ладонях.

— А у меня руки отнимались, стоило мне вашей оградки коснуться, — покачал руками кожемяка.

— А у нас ячмень, вот! — пискнула какая-то девка, Дарина узнала в ней Забаву и Ладну.

— А то, что Яда старосту со свету сжить хотела, так все знали!

— Не могла на его судьбу Недоля выпасть! — сплюнул Назар на Даринку.

Так они и кричали на съезжившуюся Дару, а она невидяще смотрела на небо, гадая, какого цвета были глаза у бабушки в молодости. Она как будто всю жизнь была старой и седой.

— А ну, цыц! — гаркнул Бажен. — Признавайся, девка, творила зло людям, как твоя бабка?

Знал ведь, что не повинна Дарина.

Он встряхнул девицу, приводя в чувства, того и гляди обмякнет и душу Моране раньше положенного отдаст.

— Не творила, — из последних сил выдавила она из себя признание. — Но я клянусь, батюшка, клянусь, что приду за каждым из вас. Вырву сердца вашим детям и заставлю плясать на их же костях.

Она старалась крикнуть это громко, но сил не было, потому с губ сорвался только жалкий шепот. Но не он был страшен, а глаза — злющие, отчаянные, свирепые.

— Тьфу, — сплюнул Бажен через плечо. — Дура и есть!

Последнее, что услышала Дарина перед тем, как мир окутала тьма.

Бабкина шкатулка

Ярило нежно коснулось израненного лица, аккуратно задев лучами опухшую щеку. Но прикосновение не грело — все тело пробирал жгучий холод. Дарина разлепила глаза. Она лежала в маленькой и невысокой баньке на полу, укрытая одеялом. Всюду стояли пустые ковши с тазами, на стенах висели сухие березовые веники. Ярило из небольшого оконца под потолком очертило светлой полоской баню пополам — уже полдень.

Но это было не важно. Дарина повернулась на другой бок, желая снова провалиться в беспамятный сон, не видеть свет — провалиться в мир, где нет боли и ничего не существует. Короткие волосы прилипли к потному и грязному лицу. Подумать только, всего день назад она щипала сорняки на грядке и подслушивала враки у реки.

Враки.

Дарина стиснула зубы до боли в голове. Руки сжались в кулаки, вонзаясь сломанными ногтями в ладони. Глаза наполнились слезами. Если бы она не пошла к реке в тот день... Это она, только она сгубила Яду. Ляпнула глупость, остроумную, как бабушка это делала. Только она была не Ядой, а Дариной. Как была бестолочью, так и осталась.

Она пролежала на одном боку не одну лучину. Не шевелясь, не издавая звуков, не открывая глаз. Спиной ощущала

тяжелый взгляд. Все ближе подбирались чьи-то мелкие ножки. Навьи духи готовились куражиться — значит, потемнело.

Ярило покидало землю, уступая место сестрице. А Дарина все лежала, упиваясь болью в теле. Ныл бок, горло раздирало от сухости, губы кровоточили — телу нужна была вода. Конечности затекли без движения, но она даже не пыталась встать. Дара хотела чувствовать эту боль, еще сильнее и жгучее, чтобы суставы выворачивало от судорог, а ноги ломало каленым железом. Потому что я это заслужила. Нужно было быть умнее, пронеслось в голове. Все ближе подбирались анчутки. Позади нее что-то тяжелое спрыгнуло с печи, несколько камней упали на пол. То хозяин вышел встретить гостью. Хоть бы разодрал мне горло.

— Дарина, — в дверь бани постучали, и нечистики разбежались по углам. — Ты не против, если я войду?

Пусть они делают все, что хотят. Могут даже сжечь ее в бане, хотя жаль будет добрую постройку.

В двери показался дед Зуй. Присев на корточки, он ощупал лоб Дарины и недовольно цокнул.

— Совсем плоха девка, — хоть был стар, а сила в руках еще имелась. С натугой поднял девицу и уложил на скамью. Под голову положил подушку, с которой вошел в баню, а под бока подоткнул одеяло. — Ляж здесь, горе мое, ох горе.

Старик поставил под лавку блюдо с тремя блинами и сметаной.

— Зла не чини, батюшка Банник, побереги гостью свою,

в защите твоей нуждается да ласке. Не гони из дому своего, да на меня злобу не чай. На твою волю и доброту уповаю, батюшка.

Зуй поклонился и вышел из избы. Больше она не слышала топота и скрежета. От этого стало еще гаже, чем было прежде. Даже ночные твари ушли из ее жизни вместе с Ядой.

Вскоре вернулся Зуй с кувшином воды и тарелкой супа.

— На вот, попей водицы, холодная, только с колодцу принес, — по-отечески дед приподнял ее голову, чтобы напоить девушку, а губы той лишь сомкнулись в линию, ноздри заходили ходуном.

Ей вспомнилась бабушка, отправившая ее за водой к колодцу. А вдруг она знала, что грядет беда, и потому отослала дуреху? Спасла, получается, а Даринка ее не уберегла. Горькие всхлипы превратились в рыдания. Хрупкое, изможденное тело затряслось, в груди разлился холод, в животе снова сжался тугой ком. Она кричала от боли, все сильнее сжимая плечи руками, оставляя царапины.

— Поплачь, девка, поплачь, — Зуй прижал к груди Дарину, укачивая как в колыбели. — Горю выйти надо, оно всегда путь найдет. Либо так выйдет, либо иначе.

С лучину они просидели вот так. Старик убаюкивал девушку, пока та не охрипла от крика.

— Лучше чтоб и я сгорела.

Зуй взбеленился.

— Замолчи, бестолочь! — коршуном вылетел из бани, бро-

сив перед уходом: — Живешь — значит, зачем-то надо, — и хлопнул дверью.

А ради чего ей теперь жить? А ради чего она жила с Ядой? Как будто теперь и не было той жизни с бабушкой. И нет смысла отвечать на свой вопрос. Не стало опоры, правая нога отнялась и отсохла. Дара почти телом ощущала, что какая-то ее часть покинула ее и теперь она калека. Нет, руки и ноги у нее есть, а вот корней — нет.

Проснулась снова в бане, но отнюдь не пустой. Из-под прилавка напротив на нее глазели два янтарных глаза. Сам Банник приглядывал за ней, внемля мольбе Зуя. Да пусть бы и задрал ее насмерть, на этом же прилавке. Дарине не будет до этого дела. Лишь бы мучал перед смертью тело. Она должна испытать все, что чувствовала Яда.

Дверь в баню отворилась, на этот раз вошли без стука. На пороге стояли сгорбленный староста и уставший Зуй. На лицах залегли тени, а у Бажена прибавилось седины на добрую четверть головы.

– Да-а-а, — протянул староста, оглядывая болезненную девку, безучастно глядевшую в серый потолок бани. — Такое пережить не просто.

Он присел на корточки, чтобы и Дарина могла лучше видеть его лицо, но она предпочла разглядывать щели в потолке.

– Вот как поступим, — протянул он, поглаживая густые седеющие усы. — Виновных мы будем судить. Обещаю, на-

кажем сурово, чтоб впредь казнь не чинили, да людей не губили.

Дара слышала, что хотела. Людей будут судить, но не за убийство бабки, а чтоб неповадно было без ведома старосты дела делать. А ну как бунт затеют? Староста власть должен удержать. А за смерть Яды судить глупость. Подумаешь, старухи не стало — так всем ажно дышать легче станет.

— Взамен, Дарина, я хочу от тебя слова услышать, — видно, тяжело Бажену слова давались, но все же собрался с духом. — От слов своих отречься и при всех богах поклясться, что не причинишь вреда родным Пестрянкам.

Стало быть, боится ее глава. Из груди вырвался хрип — то был смех, скрипучий, злой. Всю свою боль она вложила в душевный рев, а за ним потекли градом слезы, крупные, бессильные. Что ей суд? Вернет он бабуку? А домового?

Староста поднялся на ноги, ища поддержку Зуя, но тот лишь скорбно пожал плечами.

— Головой заболела девка, не справилась с горем, — вынес приговор Бажен. — Ты, дед Зуй, пригляди за ней. Только ты не испугался к себе приютить, да только под замком держи. Мой тебе наказ. Главы! И не дай Леший, ты ее упустишь. Ясно? — пригрозил мужик кулаком. — Не знаю, что с ней делать теперь, — покачал головой Бажен. — Подумаю, с женой потолкую, а после суда над душегубами, тьфу ты их Водяной утяни, решу, куда девку девать.

Дарина пролежала в бане еще одну долгую ночь. Она то

проваливалась в сон, то просыпалась от громкого топота за печью. Может быть, там, в прошлой жизни, от нечистиков и пробегал холодок по загривку, то сейчас это не страшно. Все ужасное уже случилось. Не тех тварей она боялась — монстры жили не за печью, а в соседнем доме.

На утро баню отворил дед Зуй. Баню заволокло запахом свежих, наваристых щей. Запахло домом и теплом. Дарина хотела бы заплакать и снова уткнуться в грудь деду, да только слезы не текли и рыдания из груди не шли. Выжгло все каленым железом. К чему горевать теперь? Скоро Морана и по ее душу придет. Отворит баню также, как дед Зуй, протянет гладкую ладонь и уведет в Навь. А там и Яда будет ждать, а может, и Голуба. Кто знает?

— Ты, девка, можешь убиваться тут, да сама в руки к богине Пряхе уйти, — он присел на скамью. Казалось, будто за эти дни Дара даже не шевельнулась. Как положил ее дед, так и лежала. Пила только когда он вливал воду в горло, а от еды и вовсе отказывалась.

— Дело-то это не хитрое. Ты ж сопля совсем, несмышленная, — тихо выдохнул он. — Яда ведь сама беду-то накликала. Сколько я ей талдычил, а сколько староста ей ум в разум вдалбливал, а той все бестолку. Совсем стара стала, да слаба, вот и не удержала анчуток своих в узде. Чевой смотришь так? Знамо дело, Яда ведьмой была. И не спорь, девка!

Дарина и не стала бы спорить. Была она ведьмой, да специально зла не чинила — то так, проучить невежд, кто не в

свое дело совал, да языком трепался. Но не губила она никого.

— Жаль мне ее, дуру эдакую, не такую смерть она заслужила, — тяжело вздохнул Зуй, смаргивая слезы. — А теперь что с тобой делать? Какую судьбу тебе Макошь уготовила? — Старик принялся причитать, будто и не Дарине все говорил, а размышлял вслух. — Думаешь, в Пестрянках оставят? Так не будет тебе здесь житья после слов твоих гадючьих, не примет тебя люд. Гнать из дому родного? Так рука не поднимется. Что ж Бажен придумает, одной Макоши известно.

А Дарине было все равно, что с ней сделают. Все едино.

— Я все ж думаю, не виновата Яда в смерти ребенка Баженова. Не любила старуха старосту, правда это, испортил все ж таки девку-то ее, — помолчал дед, подумал. — Так тож по согласию было. Потому не верю, что повинна она.

Дара ухватила за нить из прошлого. Правда ли бабушка не любила Бажена? Неужто Голуба и правда с ним зналась?

— Чего смотришь? Знаю, все знаю. Бегала твоя мамка к нему, тискались. То тут их видывал, то там. Так то по молодости, по глупости было. Выросли они, каждый своей дорогой пошел. Он в старосты, а она здесь, подле матери, пока после ночи Купала в подоле не принесла. Так и не одна она таких приносила. Эка невидаль.

Дарина улыбнулась. Представилась ей ясноокая Голуба, счастливая, в танце с черноволосым мужчиной. Пусть у них была всего одна ночь вместе, но, наверное, была счастливая,

пусть и недолго. Жаль, ей не доведется.

— Так что подумай над судьбиной своей, а пока вот, на.

Зуй вручил ей шкатулку, почерневшую от копоти, увесистую с резным узором — бабушкину. Уцелела в пламени, заговоренная. Все ж таки Яда знала, что смерть ее близка, готовилась.

Старик оставил ее наедине с утратой, пусть выплачется, лишь бы легче стало. Пусть слезами горе выйдет, чем чьей-то кровью.

Дарина рывком села на скамье, едва осталась одна, буд-то крюком за пуп подцепили. Там бабушкин секрет, сила ее ведьмовская! Успела таки Яда передать ей дар. Открыла родную шкатулку трясущимися руками: в ней лежала горсть монет, пара потрепанных рукописей плакальщика да книжонка размером с ладонь. Ее-то судорожно и начала перебирать Дарина, каждую страницу пролистала, но в книге лишь секретные снадобья — от мигрени, от болей в животе, от жара.

Выходит, не успела. Дарина сморгнула слезы, прижала к себе бабушкино приданое и снова рухнула на скамью, ударившись ребрами о поверхность. Не видать ей силы бабкиной, не услышать ее похвалы. Все это у нее отняли. Забрали прошлую жизнь, сгубили родича, уничтожили дом. И такая злость нахлынула разом, как в кипяток нырнула. Кишки снова в тугой узел завязались, тело затряслось.

— Убью, всех убью, — прошипела она. И вторили ей анчутки под полом. Застучал камнями Банник. Почуяли скорую

кровь навьи твари. — Служить мне будете, все вы! — Она топнула ногой с такой силой, что твари ночные завизжали и бросились по углам. — И ты моим станешь, все на службе у ведьмы будете. — Дара подошла к очагу, заглядывая за печь. Нечистик кинул в нее камнем, все глубже прячась в углу — еле увернулась.

Бояться! Но только она протянула руку к Баннику, как тот издал не то лай собачий, не то старческий вой:

— А ты сними орешек с груди, девица-красная, там и поглядим, кто кого.

По спине прошелся холодок, банные веники загорелись, вспыхнули и тут же прогорели. Все тазы со скамей перевернулись, с грохотом повалились, чуть не расшибли голову Даринке. Забушевал хозяин. Камни, тяжеленные, один за другим полетели в девку, та только успевала уворачиваться.

— Чевой творишь тут, а? — влетел в баню Зуй, да так и замер. Глядит, а баня своей жизнью живет. Чугунные ковши смялись в ком, печь разваливается, а березовые веники дымятся. Одна Даринка в углу сжалась, шкатулку к груди прижала, да окровавленную голову рукой прикрывает.

— Ведьма, — переплюнул через плечо старик, закатал рукава и пошел вытаскивать горемыку

ЕЛЬНИК

Изба Зуя была ненамного больше, чем у Дары, да только светлее. Большая белая печь, два сундука да стол — большой, но выдавший многое. Хозяин избы рано овдовел, зазнобушку свою не забыл, так и живет один. Во всем читалась холостяцкая рука. Где-то крошки от хлеба на полу, а где-то пятно, но даже эти мелкие неприятности делали дом уютным, за исключением давящей тишины. Несомненно, в доме был домовый. Дарина слышала его возню в печи, когда Зуй усадил ее на скамью, но других нечистиков не наблюдалось.

— Я к тебе с добром, Даринка, а ты что? — дед приложил какую-то тряпку к окровавленному виску девки.

Голова ныла от тупой боли. Только сейчас Дарина заметила, как ослабла и устала. Даже Зуй видит в ней зло.

— Банник разбушевался, — скупно сказала она, окунаясь в заботу старческих рук.

— Брешишь, девка, — Зуй устало потер лоб и тяжело вздохнул. — Хорошему человеку зла не чинил, ни на памяти моих родичей, ни на моей.

— Кто сказал, что я хороший человек? — у нее даже не было сил открыть глаза. Она смертельно устала. Дед встал со скамьи, сгреб тряпку.

— Ты это, — забубнил он, — сказывай, чевой там в шка-тулке-то?

Видно было, как неуютно ему делалось рядом с девкой. Сердце щемило от несправедливости и обиды, а душу бередил страх: а ну как Яда передала ей силы? И пригрел Зуй не сиротку несчастную, а змею подколодную.

Дарина всхлипнула и наконец оторвала от груди шкатулочку. Снова приоткрыла ее, вдыхая последние ароматы дома.

— Гляжу, письмецо тут, — старик снова присел рядом, разглядывая заговоренные страницы плакальщика. Грамотку в Пестрянках мало кто знал, да и зачем она нужна? Коровам стишки без надобности, а кузнецу не нужно знать буквы, чтобы ковать подковы. — Ты грамотейка что ль?

— Что ль, — покачала головой Даринка. И то заслуга только бабкина, не ее. И снова горячие слезы обожгли щеки.

— Ну так читай!

Не любил Зуй бабских слез. А эти и вовсе льются не от дурь, а боли сердечной и глубокой. А все ж всякая слеза должна быть пролита, как всякая душа обогрета — словом ласковым али рукой доброй. Глядишь, бабка и нацарапала что-то внучке на прощание. Чудо, что шкатулка не сгорела, подумал дед и зажег лучину.

«Месяц Цветень Мне вспоминаются те времена все чаще, возможно, это знак? Сама госпожа Морана благословляет меня ведениями? Как я хочу, чтобы это было правдой. Если все так, и она внемлила мне, то путь ведет меня в Ельник. Шутка или насмешка? А вдруг случайность? И все же нель-

зя больше избегать Доли плакальщика. Я готов слышать, вести, но взамен я должен получить ответы...»

Смысл строк доносился с трудом, и чем сложнее становился смысл, тем быстрее высыхали слезы на девкином лице. Чем больше она читала, тем сильнее старалась отогнать от себя мысль, что заглядывает в чужую душу. И была та душа раненой, жаждущей знаний. Как же она понимала писца... Ответ, как получить бабушкину силу, сгорел в огне, исподтишка, глубокой ночью.

«Месяц Травень Разве я не заслуживал тишины? Я имел право на покой, мне была нужна эта жизнь. Я наслаждался, насытился, так за что же ты меня караешь, матушка? Я молил тебя об ответе, но ты глуха. Неужели отвернулась из-за моей слабости? Не заставляй меня винить себя. Я делал все, как ты завещала. Они уходили в покое, благостно и легко. Так за что же ты меня караешь? Свет видел и других плакальщиков, моя ли вина в их скудоумии?..»

Каждая живая душа имеет право на покой, а израненная требует тепла и любви. Дарина была уверена: именно этот писец страдал от ран, не телесных, а душевных, как она сама сейчас. Разве же она не заслуживает отпущения? Она старалась быть невидимой для сельчан, не приближалась, молчала, когда могла ругать их. Лишь один раз, одна глупая фраза вылетела из поганого рта. Всего раз позволила себе слабинку — и за это пришла кара? Люди сгубили бабушку, отняли дом. Так ее ли вина в том, что толпа глупа и слепа? И не ее

вина будет в их смерти, а только их.

Дарина получит заветную силу и вырвет языки душегубам, а затем обмотает вокруг их шей. Представилась ей Оल्ха, Илья и Лада и все их родичи — в крови, испуганные и умоляющие, но никто не вызывал жалости. Ради этого она готова обойти весь мир, заглянет и в Навь, если потребует-ся, но найдет тайные знания плакальщиков и услышит баб-кин голос. С чего только начать? Дарина жадно прочитала последний сверток.

«Месяц Изок Я устал от шума. Из-за него я оглох. Дет-ский плач, бабские стоны, мужицкие вопли, стенания ста-риков. Пирьы, погребения. Все одно за другим. Мой слух нико-гда не был так туп, как сейчас. Мне нужна тишина. Вдали от суеты они заговoryт. Покойники всегда говорят, когда их слушаешь. Пора вернуться в прошлое, бесконечное, нена-вистное...»

Как отчаянны речи писца. Каждая сквозила болью, знако-мой и острой. Надеюсь, он нашел то, что искал. Теперь мой черед искать, но где?

Она снова и снова перечитывала строчки, с каждым разом буквы понимались быстрее и проще. Лишь на пятый раз она обозначила свой путь.

– Дедушка Зуй, скажи, - старик, успевший задремать на сундуке, разлепил глаза, – Где находиться... Ельник? - Да-рина навсегда впечатался в память новое слово, страшась за-быть и навсегда потерять путь к бабушке.

– Деревень много в мире, всех и не упомнить, - Зуй повернулся на бок, до плеч накрываясь одеялом, – Темно уже, ложись спать. Завтра Бажен придет. Будем думать, куда тебя девать, - и захрапел.

Торговый тракт

Дарина почти вышла на торговый тракт, когда Ярило покидало зенит. Мокрую голову напекло, босые ноги сбились в кровь, но девка все шла. Сначала, расставшись с Нежданой, она бежала, боясь увидеть погоню, но позади было тихо. Одна только Пестрая Коса журчала в очередной жаркий день. А может, это Неждана пела свою печальную песнь?

До тракта рукой подать — нужно только перейти по мосту. А там и первая развилка. Если деревня Пестрянки была расположена значительно дальше от леса, близ реки Пестрая Коса, то все, что было за мостом, принадлежало Лешему. Торговый тракт простирался свой путь через леса. Никогда Дарина прежде не покидала Пестрянок и за мост не ступала. Не потому что бабушка не отпускала, а просто не хотелось. Как старушку одну оставишь, пусть и ведьму. Страсть как к ней и дому привязана Дара, а сейчас все, пора отвязываться.

Первый и второй шаг девка сделала с тяжелым камнем на сердце, а третий и четвертый — с горящим пламенем в груди. Ступив на заезженную повозками дорогу, Дарина огляделась. Поворот налево от моста вел в деревню Вересковый Тан, еще более мелкую, чем Пестрянки, а направо путь стелился в Грибной Яр и Яснобор. Туда и направилась.

Когда она вошла на лесную дорогу, живот совсем скрутило, в глазах потемнело. Сколько дней прошло с ее последней

трапезы? Когда бабушка была еще жива, пронеслось в голове. Кажется, тогда ели щи. Дарина думала, что после смерти Яды больше никогда не станет есть, тело просто не примет пищу, а сейчас оно жадно требовало еду. Жаль, не додумалась у Зуя краюшку хлеба взять или морковки с грядок нарвать, да что теперь жалеть.

Ярило грозило покинуть небосвод в ближайшее время. А Дарина все шла, в сумерках выглядывая редкие кусты лесных ягод. Тут горсть черники соберет, здесь кислой костяникой перебьется. Да только от ягод живот сводило еще сильнее, будто жидкое горячее железо залилось внутрь. Знатно покуражилась богиня Пряха, когда судьбу Даринке пряла. В избе чуть не сгорела, банник едва не зашиб, смерти русалочьей избежала, а умрет здесь, от голода, посреди тракта.

Вокруг совсем стемнело, не видно ни зги. Шелест листьев теперь не казался приветливым. Дарина ежилась, не то от ветра, не то от страха. Помнится, бабка рассказывала, как дневала-ночевала в лесной чащобе, в самой глуши. То волчицей молодой обернется, то девицей голой по поляне пробежит. Ничего не боялась Яда, всякое повидала. Только сейчас Дарина поняла, что росла всю жизнь как нежный цветочек на клумбе. Ничего она не умеет, бестолковая. Грамотку знает, а все равно по миру пойдет.

Ноги гудели, отекли и вовсе отказались идти. Девка приглядела небольшой валун у дороги, грузно села на землю, облокотившись спиной. Позади нее хрустнула ветка, послы-

шался звериный вой. Как была бестолочью, так и останусь, корила она себя. Ничему у Яды не научилась. Ни зверем прикинуться, ни тварь лесную о помощи попросить.

— Батюшка Леший, — прошептала Дара, срываясь на хрип, — зла тебе не несу, ищу спасения от душегубов... сил больше нет. Устала я, помоги путь до Яснобора в легкости перенести.

Она вглядывалась в черноту леса до рези в глазах, до слез, надеясь увидеть хоть огонек, хоть шевельнувшуюся тень, но вокруг стояла немая тьма, а впереди, будто насмехаясь, тянулся один лишь извилистый тракт — да уходил вправо, в неизвестность. Лес был глух.

— Нечего мне в дар преподнести, батюшка, — всхлипнула она, — потому смиренно молю о помощи — не дай умереть в лесу.

Снова зашелестел темный лес. Подул прохладный ночной ветер, поднимая пыль на своем пути. Вот тебе и ответ, подумала Дарина, но едва попыталась встать, как раздался треск над головой, а за ним и глухой грохот.

Закричала девка, только сил бежать уже не было, дернулась да упала, прикрыв голову руками. Разгневала батюшку.

Но то был не гнев лесного духа — всего лишь сухая ветка упала на землю, чуть не придавила девицу. Знак ли? Дарина оглядела находку, но ветка и есть ветка. Неужели Леший гонит? Не дает засидеться, поди хочет загнать бестолковую. Да что толку сидеть — глупая и есть глупая, а от стенаний

ума не прибавится. Дарина перехватила палку с земли, наподобие бабкиной клюки, и похромала дальше, к извилистому повороту.

Глаза, настолько привыкшие к ночной тьме, защипало, когда за поворотом показался костер. Против воли Даринка улыбнулась и из последних сил пошла к спасительному свету.

Вокруг костра сидели люди. Девка насчитала человек пять и остановилась. А вдруг тати какие? Может, наоборот, спрятаться надо? Дарина огляделась — тьма вокруг. Она мимо них проскочит незаметно, да только куда уж ей? Больно хотелось размять затекшие ноги, погреться у костра и перекусить хоть крошкой хлебной. Решилась пойти.

— Мать честная, — грузный мужчина с густой седеющей бородой подхватил топор. Только что он сидел у костра, строгал палку и о чем-то гутарил с пухлой бабой в платке на голове.

— Глузд! — она прижала полную руку к груди, а за ее спиной показалась девчонка, многим младше Даринки, может на десять весен. Баба бегала глазами: то на мужика глянет, то на Дару.

— А ну, — замахнулся топором мужик, — пошла прочь! К нему подбежали два отрока. Мальчишки были едва ниже мужичка, зато такие же рыжие и кудрявые. Один из них схватил нож и направил на девку.

Надо признать, видок у нее потрепанный. Дарина и сама

такой девки в ночи испугалась бы.

— Люди добрые, — она выпрямилась, что было сил, отбросила спасительную палку в сторону, — разрешите у костра ночь провести. Я в пути с раннего утра.

Без палки стоять было трудно, Дара покачивалась из стороны в сторону. Если ей откажут сейчас, то она упадет здесь же. Не пойдет больше в темноту.

Глузд, как его назвала, по всей видимости, жена, поглядел на сыновей, на бабу, а затем спросил:

— Кто такая? — нахмурились кустистые брови.

— Из Пестрянок, — бесцветно, почти как неживая, молвила девка.

Дети переглянулись. Баба подошла к мужу, нежно положив руку на крепкое плечо.

— Ну поглядим, — мужик встретился глазами с женой и пропустил Дарину к костру. Дара вздохнула с облегчением, а все же засомневалась. Больно легко Глузд к костру подпустил. Лишь подойдя ближе, она заметила тонкую линию соли вокруг их привала. Вот оно что: хотят убедиться, что Дара — человек. Вештицу али полуночницу круг и правда остановит, а ведьме причинит жгучую боль.

Дарина уверенно шагнула в круг — и на лицах окружающих появилось облегчение. Она рухнула возле костра. Девчонка, прятая за матерью, пискнула и спрятала лицо в ее юбке.

— Тише, Леля, — баба погладила дочь по такой же рыжей

макушке, как у старших детей, — наша гостья устала, подай ей кроличью ножку.

Пока девчонка пыхтела над костром, ее мать аккуратно присела рядом с Дариной. Глузд пристально наблюдал, все еще держа топор наготове.

— Как тебя зовут, милая? — баба сняла платок и укрыла Дару. На плечи упала длинная светлая коса.

— Любима! — Глузд еще сильнее нахмурил брови, призывая жену отойти от путницы, но та только покачала головой.

Дара всхлипнула от теплых объятий. Когда-то в ее жизни были теплые и родные руки. Хитрый взгляд и любящее сердце, которое ждало ее дома, а сейчас нет сердца и нет дома. Никто ее не ждет — ни в Пестрянках, ни в Ельнике.

— Неждана, — сглатывая ком в горле, сказала она. И ни одна слеза не покинула темных глаз.

Выцветший платок

Листья шелестели на ветру, наслаждаясь утренним покоем. Лесные птицы трещали восторженно и мелодично. А запах костра под ликом раннего Ярило дарил мимолетное чувство дома.

Дарина приоткрыла глаза, щурясь от света. Небосвод был голубым, как незабудки. Пышные ветви деревьев отбрасывали тени на путников.

— Мамка, — пискнул девчачий голос, — она проснулась!

Где-то сбоку раздался топот ног и возня. Дара приподнялась на локтях, сонно огляделась, выуживая из памяти события прошлой ночи: желанный костер, сытный ужин, теплые руки.

— Доброго дня, Неждана, — Любима, баба с густой косой до пояса, в простеньком сарафане коричневого цвета, держала в руке миску. У нее были глубоко посажены глаза и нос с неприметной горбинкой. — Мы подумали, что прошлый день у тебя вышел трудный, поэтому решили дождаться твоего пробуждения. На, возьми.

Дарина приняла миску, разглядывая содержимое — кашу.

— Ты заснула вчера сразу, как расправилась с кроликом, — Леля, худощавая девчушка с веснушками, прижалась к матери.

— Батьке пришлось тебя до лежанки тащить, — откуда ни

возьмись, рыжий мальчишка весен тринадцати-пятнадцати от роду подошел к ним.

— Батка сказал, что тебя попортил кто-то, поэтому ты такая! — выдала взрослые думы Леля.

Неждана тотчас принялась журить дочь, а мальчишка и вовсе порозовел.

— Спасибо за вашу доброту, — голос Дарины пресек перебранку. — Я не хотела пугать своим появлением.

— Я-то не испугался, а вот Вильха чуть в портки не наложил, — мальчишка достал из кармана горсть яблок и положил Дарине на лежанку. Он изучал девку, не сводил с нее глаз.

— Мои дети остры на язык, все в батку уродились, — грузное лицо Любимы заалело так же, как у ее сына. — Леля, наша младшая, везде нос засунет, только умишка не набралась еще, чтобы словами раскидываться. А Ярий, — баба любовно взглянула на мальчишку возле Дарины, — все храбрится, как Глузд хочет стать.

Пока Дара ела холодную кашу с сочными лесными ягодами, Любима поведала ей, что идут они из Верескового Тана в Грибной Яр, проведать сестрицу, которая вот-вот разродится первенцем. Все то время, что баба вела рассказ, Леля с нежностью расчесывала девкины волосы. Сначала девчуха боялась подойти к ней, а после осмелела и крутилась вокруг гостыи все утро.

— Надеюсь, тебе лучше, Неждана? — Глузд оглядел баб,

но остановил свой взор на жене. Люба едва заметно кивнула.

— Спасибо за приют, — Дарина поклонилась мужику, сняла с плеч платок и протянула Любиме. — У меня есть несколько монет...

— Что ты, голубка! — Любима запричитала, заохала. — Нам не в тягость помочь. Не возьмем твоих денег! А насчет этого, — баба расправила выцветший красный платок из льна с вышитым узором в виде дубовых листьев и повязала на голову девке, — оставь на добрую память и чтобы, — шмыгнул курносый нос, — никто тебя больше не обижал!

Дарина ощутила легкость платка на своей голове. Это первый ее подарок не от Яды, а от чужинки. Щеки загорелись, к горлу подступил ком. Неправильно как-то принимать дары от чужих. А вдруг Любима ее этим же платком и удавила бы, если б знала, чья Даринка внучка? Нет, слишком добрая баба, подумалось Дарине. Девка поклонилась в ответ.

— Нам пора выдвигаться, — Глузд с нежностью похлопал по плечу Любу. — Куда путь держишь, Неждана?

Дарина помедлила с ответом. Не могла она признаться про смерть бабки. Больно ранят воспоминания. Все с той же силой бередают душу и прокладывают влажные дорожки на щеках. Девка сглотнула тяжелый ком.

— К последнему родственнику иду.

— У тебя что ж, в Пестрянках никого не осталось? — удивился Глузд, закидывая на спину мешок.

Дарина боялась, что рано или поздно кто-нибудь задаст

вопросы, ответы на которые будут причинять боль. Все произошло совсем недавно, чтобы вскрывать еще не зарубцевавшиеся раны.

— Мои мамка с батькой угорели в бане, — девка покосилась на мужика. Хоть бы ложь не почувствовал, — три дня как схоронили. Теперь к дядьке иду... в Ельник! — Последнее слово она почти что кинула в собеседника. В груди затрепетало сердце-птичка. А ну как знает дядька Глузд загадочное место?

— Далече тебе идти, девка.

Даринка распахнула глаза, чувствуя, как тело обретает легкость, того и гляди взлетит.

— Вам довелось там побывать?

— Я о таком месте и слыхом не слыхивал, а бывал я много где.

Сердце Дарины тяжело ударилось о ребра.

Выдвинулись со стоянки быстро и направились вдоль тракта. Люба слезно уговорила Дару идти до развилки вместе, мол, веселее так и надежнее. Леля всю дорогу плелась за мамкой, как хвостик, а Ярий, наоборот, то забегал сильно вперед, то отставал. Только Глузд и его старший сын Вильха тащили поклажу — засолки да тряпки. Все на подарок сестрице из Грибного Яра.

Пока шли, Люба щебетала о том, как выносила своего первенца, как долгими ночами выхаживала хворающего Ярия, а Глузд поддакивал. Дара шла и слушала, какой бывает жизнь

в большой семье. Она заметила, что Глузд часто ищет взгляд своей жены, а та беззаботно стрекочет об их счастливой, благойатной жизни. Сколькo мила эта картинка, столькo и зыбко их счастье, подумала Дарина. Кто знает, какую судьбу сплела им Макошь.

Впереди послышался треск веток, загудел ветер, утробно, по-звериному. Леля вцепилась в руку Любиме, даже Ярий подбежал ближе к батъке.

— А, испугались, — Любиму гул не напугал, будто вовсе раззадорил. — То батюшка Леший благодарит нас за дары, которые мы преподнесли с утра.

— Тьфу ты! — сплюнул Глузд. — Не нравятся мне лесные тропы. В следующий раз пойдем в обход! — пыхтел мужик, неся на себе тяжелый мешок.

— Бать, — до этого молчаливый Вильха улыбнулся. Он оказался красивым юношей с большими зелеными глазами. В ночи Дарина этого не разглядела. А ведь именно он направил нож в ее сторону, — когда мы в Яснобор отправлялись, ты так же говорил.

— Глузд никак не свыкнется, — Любима нежно улыбнулась, глядя на ворчащего мужа.

— С чем? — Дарина шла всю дорогу рядом с Любимой, то и дело поправляя платок. Она никак не могла привыкнуть к покрытой голове. Не мужняя ведь. Да только немужней и чернявой косой была Даринка, внучка Яды, местной ведьмы. А она — Неждана, ничейная приبلуда без косы и дома.

— Я ж из Сиверского княжества родом, — Глузд поудобнее перехватил мешок. — Ты думала, чего моя мелкота огнем поцелована, а? — мужик улыбнулся себе в усы.

Любима увидела непонимающий взгляд Дары.

— Голубка, ты видно редко покидала свои Пестрянки, — снисходительно похлопала та по плечу черनावую. — В нашем княжестве, в Правоярском, мало таких вот рыжих, — баба мотнула в сторону детей.

— Я родился в городе Белец, недалеко от столицы. Все отрочество провел почти у самого Земовидова бора. По ночам там твари лютые воют, а днем Лешего хрен кого пропустит. Немало там людей сгинуло, — Глузд сбросил ношу на землю, отдышаться. Все семейство остановилось следом. — Лес этот окружало порядка трех городов: Липовец, Долич и наш, Белец. Да такой бор этот необъятный, чтоб его, — сплюнул он, озираясь по сторонам. — Приходилось по три седмицы тратить, чтоб меж городов передвигаться. Всю задницу в седле стер. А князь тамошний, Сивер, все грезил тракт вдоль леса построить.

— И что же, построил? — Дарина сама не заметила, как представила жуткий, непроходимый лес. Как гудят вековые деревья-стражи, стонут о своей гибели меж корней путники. И как выбирают из оврагов твари, злостные и голодные, вгрызаясь в любую плоть на своем пути. В затылке аж щекотно сделалось от одной только мысли оказаться в таком лесу. Зато Яда бы покуражилась там. Страсть как любила она

нечистые места.

— Леший его поймел! — переплюнул через плечо Глузд. — Али дух неупокоенный прежнего князя тех земель, Земоведа, вроде. Не помню.

— Батка рассказывал, что его друг там видел вештицу. Та чуть не задрала его, — Ярий с таким огнем в глазах поддерживал беседу, будто желал сам побывать в том лесу. Говорящее все же имя мамка выбрала. Бойким, яростным вырастет пацан.

— Да кого там только не видели. Роится в лесу нечисть. Сдался князь от неудачных попыток. Не знаю, может, теперь и придумал что, но на моей памяти так и ездили — вдоль леса, а в него не хаживали, — Глузд поднял мешок и двинулся в путь, остальные следом.

— Поэтому батка и не любит леса, боится, — подала голос Леля.

— Как же вы здесь оказались, в Правоярском княжестве, да еще и в Вересковом Тане? — это Даринка прожила всю жизнь пусть и не в маленьких, но небольших Пестрянках. Дальше деревни не ступала, а тут мужик, да не просто из соседней деревни, а из княжества перебрался.

— Знамо дело, — улыбнулся он в усы. — Влюбился!

Когда они дошли до развилки, наступил полдень. Леля и Любима на прощание обнялись с Дариной, пожелали удачи. Глузд по-отечески похлопал девку по плечу. Остаток пути поклажу несли сыновья. Дарина никак не могла взять в толк,

отчего ноющая душа присмирела рядом с ними? Но стоило Глуздовому семейству скрыться из виду, железо и холод загудели в груди. Только тихая, совсем заметная мысль промелькнула в чернявой голове: если бы Макошь сплела другую судьбу Даринке, то она непременно была бы такой, как у Любимы.

Большая часть тракта пройдена, осталось не более двух верст. Дарина поправила выцветший платок — он то и дело норовил сползти на глаза, закрывая путь.

Яснобор

Дарина вошла в Яснобор, когда небесное светило уже собиралось покинуть свой пост. Пока она шла по тракту, гадала — отчего же деревня так называется? Войдя в сам Яснобор, поняла: самые крайние избы стояли вплотную к лесу. Деревья плотно и жадно окружали деревню.

Продвигаясь дальше, в глубь, Дарина не успевала отмечать отличия от Пестрянки. Избы здесь стояли намного ближе друг к другу, чем в ее родной деревне. Чем ближе к центру, тем красивее и ухоженнее они были. Соседские заборы как будто и вовсе сражались за каждую пядь земли. И люди здесь были совсем другие. Верно в Пестрянках говорили: Яснобор — это недо-город, но пере-деревня. Если в Даринкином краю люди то словцом обменяются, то коротким приветствием, здесь же люд был озабочен и суетлив.

В эту деревню приезжало много деловых людей: купцы, путники, известные ремесленники и кутежники. А все потому, что Яснобор — самая близкая деревня к столице Правоярску.

В самой деревне дышалось сложнее, чем в родных Пестрянках. Дома повсюду была легкая влажность. Лишь в самые засушливые дни на узких дорожках поднималась пыль. Здесь же мелкие песчинки земли то и дело взлетали под тяжелыми шагами спешащих людей.

Длинная дорога с торгового тракта повела Дарину меж дворов и лавок. По обе стороны тянулись ряды: кто рыбу соленую продавал, кто глиняную посуду, кто пестрые ленты и гребни. Под навесами копошились торговцы, ругались, смеялись, звали покупателей. Несмотря на то, что небо через пару лучин окрасится в привычный темный цвет, складывались торговцы совсем неторопливо. Видно, надеялись продать побольше.

Дарина даже не заметила, что весь свой путь перебирала в руках желудь на шнурке. Вообще-то, Яда заговорила его от проделок нечисти, а ну как и от людей поможет? В такой-то толпе и татя встретить не сложно.

В голове у Дарины подурнело от разномастности запахов: пота, навоза, рыбы и мяса. Но благо, сразу за рынком нашлась карчма «Добрый солод» с пристроенной конюшней. Возле нее толпились путники, разгружали телеги, поили лошадей.

Сама карчма была светлой и большой. Свечей и лучин хозяин явно не жалел. Вдоль стен стояли большие столы со скамейками, а в центре — несколько столиков для маленькой компании или одиноких путников. Почти за каждым столом кто-то сидел: пил, ел, играл на гусях, травил байки. Никто и не взглянул, как Дарина вошла внутрь.

Она присмотрела стол в дальнем углу. Везде уже было занято, потому пришлось выбрать тот, где сидело двое мужиков и одна девица. Они даже не взглянули, когда Дарина ак-

куратно села с другого края. Выглядели вынужденные соседи намного приличнее и опрятнее самой Дарины. От них пахло хлебом, похлебкой и хмелем, а от нее — потом и грязью.

— Сударыня, — девка, не многим старше Дарины, подошла к столу. — Чего желаете в «Добром Солоде»? — она оглядела черनावую с ног до головы, и взгляд синих глаз нахмурился. Поди подумала, что я бродяжка, а не так ли это на самом деле... подумала Дарина.

— Я ищу крышу над головой, — Дара достала кошель с деньгами Яды. Она даже не пересчитывала монеты с того дня, как деньги попали в руки. — У вас есть...

— За кров надо платить, сударыня, — девка не дала договорить, уперла руки в боки. Соседи за столом стали коситься на Дарину.

Дара плотнее затянула платок, убирая выпавшую прядь. К щекам прилила руда, в горле стало пересыхать.

— Я знаю, — она негнущимися пальцами старалась развязать узелок на кошельке. — Сколько стоит комната?

— Десять медяков.

Узелок поддался, и на ладонь Дарины упала одна серебряная монета и пятнадцать медяков. Она сглотнула: денег не хватит и на два дня, а еще нужно утолить голод. Последний раз она ела кашу Любимы.

— Может быть, у вас есть свободная лавка?

— Есть, — так же пренебрежительно смотрела девица.

Сколько она перевидала таких, как Дарина? И попробуй с каждого вытрясти плату — четыре медяка.

И все же дорого. Дара была готова просить ночлег в конюшне, но девица с противоположного края стола подала голос.

— Беяна, у вас вон, сундук под лестницей, — статная девушка мотнула головой в сторону. Видно, что там было небольшое пространство, затянутое старой, но чистой тряпкой. — Пусти девку туда, всяко лучше, чем под окнами ночевать.

Беяна, видимо, так и звали работницу карчмы, поглядела в сторону, почесала затылок, прикидывая, стоит ли шкурка выделки.

— Два медяка или проваливай.

— Я возьму на три дня, — она протянула монеты. Пожалуй, трех дней хватит, чтобы понять, куда двигаться дальше, а пока нужен ночлег. — И кусок хлеба с квасом.

— Три медяка за еду, — Беяна посчитала Даринкины монеты и скрылась на кухне.

Дара облокотилась на стенку и вздохнула. Взгляд случайно упал на соседей по столу. Она совсем не поблагодарила ту бабу за то, что помогла найти кров.

— Господица, спасибо за вашу помощь.

— Ты слышала, Млада? — девица вовсе не услышала Дарину, в отличие от спутников. Один из них коснулся ее белоснежной руки. На тонких длинных пальцах были надеты перстни, вокруг запястья красовался медный браслет. — Те-

бя называли господицей! — мужик с соломенными волосами засмеялся в куцую бороду.

Дарина стушевалась. Млада была богато одета, красива и статна. Если не господица, то кто же? Впрочем, вряд ли это имело дело. Дарина намеревалась выяснить путь в Ельник: хоть сплетню, враку или песнь. А где как не в большой карчме да шумной деревне искать путеводную нить?

— Господица, — Млада искривила черную, подведенную углем бровь, когда Дарина заговорила снова. — Я веду путь в Ельник, мой брат отошел в мир иной, и я ищу пла...

— Мне не интересна твоя жалостливая история, девка, — она шумно отпила пиво из кружки и отвернулась к спутникам. Мужики заржали, как кони. — Я только избавила улицы этой деревни от очередной бродяги.

— Черствая ты девка, Млада, — второй спутник, гладко выбритый, ухоженный и не менее привлекательный, покосился на бабу с едва заметной усмешкой.

Уши Даринки полыхнули огнем. Сердце прибавило ход. Как же так выходит? В Пестрянках пренебрегали, потому что была внучкой ведьмы с дурным глазом, а здесь что же?

— И мне нет дела до вашей жизни, уверяю вас, — девка сжала кулаки под столом, в горле разом пересохло, а все же голосу не дала дрогнуть. — Вижу, вы девка занятая, — Дарина оглядела мужиков с пустыми кружками, — потому не отниму много времени, почтенная господица. — Последнему слову она придала больше значения голосом, чем в про-

шлые. — Есть ли в Ясноборе плакальщики и где я могу их найти?

— Ух, остра на язык, — усатый мужик теперь во все глаза разглядывал Дарину.

— Трепись языком в другом месте, беспелуха, — Млада плюнула под ноги и отправилась прочь из карчмы, за ней тут же ринулся гладкобритый мужик, а вот усач остался, с блеском в глазах пялясь на Дарину.

— Если тебе станет неудобно на сундуке, можешь подняться ко мне. Моя дверь первая за поворотом, — он ткнул пальцем куда-то в сторону лестницы и пошел за Младой.

Дару передернуло от одной только мысли, что кто-то может согласиться на такую щедрость.

Когда Дарине принесли еду, ее била мелкая дрожь. Выходит, везде люди одинаковые. Никому нет дела до друг друга. А Любима? Нежные руки и приятный голос всплыли в памяти. Девка пуще прежнего разозлилась от этого. Да пропади пропадом эта Любима, всего лишь баба на пути. А вот была бы здесь Яда... уж она бы нашлась с ответом Младе, да таким едким, что волосы бы в комок скатались.

Беляна в залатанном, но чистом переднике принесла кусок хлеба с квасом. На ее лице больше не было омерзения, только усталость и любопытство к новому посетителю.

— А сколько стоит баня?

— Один медяк, — девка протерла со стола, смахнув крошки на пол. — Завтра с утра топить будем. Баня за конюшной.

Дара кивнула, быстро расправилась с едой и направилась в свой угол под лестницей. Карчма гудела еще с десятков лучин. Из-за тряпицы доносились обрывки фраз:

— А я говорю тебе, не к добру, что ноги с утра ноют, к дождю! — басил кто-то за кружкой пива.

— А слыхивала, что усатый дядька на торгах цены заламывает, а товар, что дерьмо лошадиное. Не ходи туда...

— У Захарии опять поросся свистнули, вот баба невезучая.

— Слыхивал про мальчонку-то у Молчаны? Жаль, конечно, отрока...

Теплый свет долго проникал за задернутую тряпицу, тут и там слышались обрывки пересудов, а затем пришла темнота и тишина, вязкая и противная. Дарина привыкла к шуршанию в углах, похлопываниям домового в печи и бабкиному сопению. Здесь же слышны лишь редкие всхрапы. Даже половицы не скрипели. От щемящей пустоты и давящего одиночества на глаза навернулись горькие слезы. Она стянула Любин платок и прижала к сердцу, где уже покоился Ядин желудь.

Утро выдалось громким и шумным. «Добрый солод» снова задышал жизнью. Хлопали двери, гутарили гости, хлопотали кухарки и разносчицы. Дарина встретила этот день с тяжелой головой и болью в спине. Только мысль о горячей бане бодрила дух. Намылившись мыльным корнем, Дара с остервенением била себя веником по спине, выбивая из себя тягостные мысли, а из поясницы — боль. Жар бани и влажный

пар сняли коросты на щеках, а синяк на виске окрасился в едва заметный желтый цвет. Одно неприятно — залезать в грязные тряпки. Все старые сарафаны сгнули в огне, а денег на вещи нет. Ничего, пока дыр нет и ткань не сыпется, ходить можно, думала Дара.

Долго в карчме не проживешь без заработка. Дарина понимала, что ситуация ее печальна. В день она может позволить себе два стакана кваса, кусок хлеба и похлебку. Когда она жила с Ядой, их кормил огород да редкие покупатели бабкиных травяных настоев, но то было редкостью — раза три за год.

Дара хотела напроситься мыть и прибирать в карчме за еду, но все давным-давно занято. «Добрый солод» не нуждается в руках и лишних ртах. С деньгами решится, подумала она, а пока решила найти плакальщиков. А ну как не все перевелись? Может, и нет смысла искать этот Ельник проклятый?

— Да, водится у нас плакальщица одна, — Беляна мела пол в карчме, когда ее застала Дарина. Девка то и дело косилась на столы с самыми тихими разговорами и как бы ненароком мела возле них. — Только она сейчас оплакивает ребенка какого-то. Помер от лихоманки денька два назад. А зачем тебе? — девка только сейчас подняла глаза на Дару.

От вопросов Дарину мутило. Сопровитвлялось все нутро отвечать, так страшно нырять в пепелище прошлого. Потому она по обыкновению завела враку.

– Муж умер у меня, в Ельнике. Плакальщик нужен.

– Так вот по что ты в платке ходишь. Не привыкла еще без него? — подавальщица резко потеряла интерес к столикам и мести стала бодрее.

Дарина не поняла, про платок спросила Беяна или про мужа, поэтому просто кивнула.

– А далече Ельник-то твой? Даже не слышала про него, — глаза девки озорно заблестели. Видно, любит она смаковать истории путников. — Учти, Зорка, плакальщица наша, одна на деревню. Далеко не поедет.

– Что же, к вам никто оттуда не приходил? — Дара вложила столько удивления, сколько смогла выдать из себя.

– Да всякие у нас тут были, но из Елкино не помню.

– Ельник, — поправила Дарина, а девка лишь отмахнулась. Видно, утратила интерес к чернавой.

– Не мешайся мне тут! — косенькие глазки забегали по карчме в поисках новой сплетенки.

Зорка

Дарина нагнала Зорку у самого входа в избу. Девка жила ближе к лесу. Надо полагать, в состоятельной семье, потому как изба их была с виду большой. Резные наконечники, свежеокрашенный забор и полон двор кур.

Она так запыхалась, что перед глазами заплясали точки, а в бок будто игла вонзилась. Плакальщицей оказалась девка на вид шестнадцати весен, не менее. Худой и бледной, с двумя жиденькими светлыми косами.

— Зорка, стой! — Даринка согнулась пополам, жадно вдыхая воздух. — Мне... плакальщица... нужна.

Девка развернулась, и тогда Дара разглядела голубые глаза с заплывшими красными веками. Губы у нее были пухлые и сухие.

— Сочувствую о твоей потере, сестрица, — она коснулась тоненькой ручкой Даринкиного плеча.

Дара как от огня отпрыгнула. Дышать аж перестала. Даже про боль в боку забыла. Сколько дней прошло со смерти Яды? А ведь она все еще во сне не явилась проститься. Яду убили, избу сожгли, из деревни наверняка розгами погнали, если бы сама не ушла. А Зорка сочувствует. Дарина почувствовала, как задрожали губы, по спине прошелся холодок. Она снова стала замерзать в теплый месяц Цветень. Так бы накинуть платок на плечи, да голову бескосую пока-

зять страшно.

— Спасибо за твою доброту, — холод сквозил в ее словах.
— Но мне не нужно твое сочувствие.

Зорка выпучила глаза, от чего стала походить на рыбу — водянистые глаза и пухлые губы не красили девкино лицо.

— Тогда зачем я тебе?

— Мне нужно знать, можешь ли ты слышать мертвых? — Дарина отчаянно нуждалась в этом знании.

— Что? — Зорка заозиралась по сторонам.

— Я спрашиваю, ты знаешь, как говорить с мертвецами? — Дара чувствовала, как закипала внутри злость. На кого? На Зорку, за то, что Дарине пришлось ее ждать, или за то, что девка, не знавшая горя, смела жалеть ее?

— О чем ты говоришь, сестрица? — плакальщица все больше пятилась от Дарины. — Как можно с Навью дела иметь?

— Но ты плакальщица! — Дара напирала все больше, пока не прижала Зорку к ее же избе спиной. Черная оказалась выше на голову, шире в плечах, но значительно стройнее в груди и бедрах. — Что ты делаешь на похоронах, отвечай! Ты говоришь с ними? Слышишь?

— С... с... скор...блю и только, — блеклые рыбы глазенки наполнились слезами. Девка икнула и затряслась.

— Ты же плакальщица, шур тебя дери! Что же, ты просто ходишь выть?

— А ну отойди от моей дочери, паскудница! — кто-то оттолкнул Дарину с такой силой, что та упала. Наспех завязан-

ный платок свалился с головы. — Еще раз подойдешь к ней, я самолично тебя удавлю!

Высокий мужик с крепкими ручищами обнимал дочь, пока та плакала у него на груди. Видать, вышел из избы на крики.

— Извините, — Дара стушевалась, накрыла голову и бросилась куда глаза глядят. Лишь бы не гнались. Ноги стали ватными, пальцы на руках заledenели, а сердце билось у самого горла. Того и гляди, сейчас выплюнет. Люди вокруг оборачивались на бегущую михрютку, то и дело норовившую упасть. Кто-то кричал вслед гадости, где-то лаяла собака.

Дарина остановилась только тогда, когда ноги перестали нести вперед. Она до одури хотела пить, а на глаза то и дело наворачивались слезы. Девка грязной ладонью стирала злые слезы. Как же прав был тот писец в летописях: оскудоумели нынче плакальщики. А вдруг и не было таких, кто говорил с мертвыми? Вдруг Дарина обманулась, что-то не так поняла? Нет, не могла. Сама Яда говорила про их силу, уж она бы не ошиблась. А все ж мысль пробрала до дрожи.

Дарина только сейчас заметила, что прибежала почти к самому краю Яснобора. Лес плотно подпирал самую последнюю избу. Густ и казался непроходимым. В памяти всплыл другой, из Глуздовых баек, ладошки сделались липкими от страха.

Когда Дарина вернулась в «Добрый солод», за порядком

следила другая служка. На ней был такой же фартук, как у Беляны, но ее Дара видела первый раз. Есть не хотелось вовсе, да и незачем радовать себя пищей. Бестолочь упустила последнюю возможность что-то узнать о плакальщиках, пусть и непутевых. Заварила кашу, теперь расхлебывай. Придется заново подбираться к Зорке, с добром и смирением. Надо будет, так на коленях ползать перед скудоумной, но без ответов не уйдет.

В карчме снова все столы были заняты. В этот раз она села за первый попавшийся и заказала квас, смочить горло. Слева от нее сидел дед, грузный, с большими ручищами, одно что старый, а навалиет любому. Напротив него — поджарый юноша с волной в темно-коричневых волосах. Пряди закрывали лицо, не разглядеть. Мужики склонились над берестяной. Старик что-то громко рассказывал юнцу.

Может, стоило взять пиво? Мужики в деревне часто топили горе на дне стаканов, авось поможет, размышляла Дарина, пока ждала свой квас.

— Пиши далее, значит, — старик почесал подбородок. — Задерживаюсь, потому как Незабудка, кобыла моя, захирела. Вот. Ты держись, любонька моя, скоро буду! На торгах купил тебе ленту, какого цвета, не скажу. Сама увидишь!

Старик надиктовывал письмо, а юнец писал, видать, местный писарь. У Дарины аж искра перед глазами сверкнула. Зря, что ли, грамотку она изучала? Как в голову не пришло, бестолковой? Только сердечко заколотилось, как в душе об-

разовался камень. Будет кто чужинке свои мысли читать, да письма доверять? Другое дело — проверенный. С тоской она глянула в грамотку. Глядит, а не сходится картинка. Юнец-то лишь подобие букв писал, вовсе не слова складывал. Что написано — не разобрать.

— Ах ты тать! — девка выдернула берестянку. Мальчишка только успел моргнуть. — Да он же дурит вас, батюшка! Тут же не слова, а черкушки какие-то!

Она так крепко держала берестянку и всем старалась показать, будто много кто грамотку знает.

— Отдай, ветрогонка! — юнец почти выхватил у нее берестянку. Тут-то она и заметила его непохожесть на всех ясноборских: кожа темная, будто под солнцем седмицу спал, брови кустистые, острый нос-клюв и алая рубашка с вырезом чуть ли не по самый пуп.

— А ну, ветряк, — старик отодвинул писца от Даринки, схватил того за рубашку. — Отвечай, правда грамоте обучен?

— Да что же вы, мил человек, — тать вовсе не стушевался, а только раззадорился. — У вас ведь есть письмицо от зазнобушки вашей, вам одному известно, что там написано. Дайте мне прочесть, — он не говорил, мурчал будто кот. Только сейчас Дарина заметила в правом ухе серьгу-кольцо. — Докажу, что меня оклеветали.

— Ну смотри мне, — старик только ослабил хват, как мальчишка сиганул из таверны, да с такой прытью, что иная кош-

ка позавидует.

— Ах ты охальник клятый! Найду тебя, окаём, так отлуплю!

— Батюшка, — она аж тряслась от возбуждения, — а позвольте мне письмо прочесть. Я и ответ начиркаю.

Недобро покосился седовласый мужик, а все же берестянку дал. Видно, важно для него было скорый ответ написать. Слово в слово Дарина прочитала. Дед довольно кивнул.

— Сколько этот падлюга просил за работу? — Дарина села поудобнее, готовая писать.

— Десять медяков, скотина клятая, — сплюнул старик. — Чуть не отдал.

— Я напишу вам за семь, мил человек. А если вы мне еще кого-то приведете, тогда один медяк вам возвращу, — и принялась писать, жутко довольная собой.

Перед сном она умяла кашу с мясом и оплатила еще одну ночь на сундуке. Такой счастливой она не чувствовала себя очень давно. А и была ли она счастлива в этой новой жизни? Спасибо, бабуля, целовала она бабкин оберег перед сном. Как бы ты мной гордилась сейчас. И против воли на глаза навернулись слезы. Дарина накрылась красным платком с вышивкой и заснула, всхлипывая да шмыгая носом.

А на утро вся корчма гудела о случившемся.

— Я слышала, ты ветряка поймала на жульничестве? — Беяна посвежела, похорошела. Видно, отдых пошел ей на пользу.

— Его так зовут? — Дарина заказала краюху хлеба на завтрак. Она была полна решимости просить прощения у Зорки. Решила, что купит петушка в торговом ряду и извинится. Главное — на глаза батьке не попадаться.

— У вас в Ельнике о ветряках не слыхивали? — разносчица принялась протирать невидимое пятно на столе, где сидела Даринка, лишь бы языком почесать. — Они себя кличут Вольными Детьми, только вот ничейные они. Дома у них нет. Ездят себе туды-сюды. Где-то пользу несут, а где-то вред, — девка мотнула головой в сторону Даринки.

Этот день, как и все прочие, был ясен и погож. Дарина, потуже завязав платок, двинулась на рынок. Гудел он как пчелиный рой. Вокруг сновали люди с озабоченными лицами: кто считал прибыль, а кто убыток. Дара двигалась осторожно, чтобы никого не задеть, а ее все едино — то локтем заденут, то еще чем. И что хорошего в таких торгах? Думала она про себя. Сколько щебетали девки о ярмарках в Ясноборе, о том, как тут весело бывает да красиво. Разве весело от того, что в бочину локтями тычут, а в лицо — тюком с обновками? А насчет красоты — не брехали. Люди здесь ходили разномастно одетые. И торговали всяким, аж глаза разбегались. Тут ткань пестрая мелькнет, здесь гребень серебряный, а там бусы яшмовые — загляденье. Дарина даже не знала, что такая красота бывает. Если бы знала, то обязательно прикупила бы платок для Яды. Она все в шалих ходила, а тут цветастый, с узорами.

Разом и настрой пропал, и желание петушка покупать. Дарина шумно шмыгнула носом — в толпе-то не услышат — и побрела искать сласти.

Ближе к обеду Дарина покинула торги и по обыкновению пошла околицей до дома Зорки — так надежнее. В руках она держала красного петушка на палочке. Она видела такого всего раз, когда Бажен привез жене на сносях подарочек. Светла в тот день гуляла вдоль реки с любым под ручки и ела сласть. Даринка же подглядывала из кустов и завидовала.

Теперь она сама купила петушка на честно заработанные деньги, да только на последние, и обиднее всего — не себе. Ничего, вернусь из Пестрянок и куплю себе такого же.

Ей осталось пройти один поворот, но из кустов шагнула фигура — стройный юноша с серьгой в ухе. Дарина замерла, ноги вросли в землю.

— Куда путь держишь, голубка? — как хищный кот, он на- двигался на Дарину. Серьга качалась в ухе в такт большим шагам. — Гляжу, празднуешь? — серые глаза метнулись к петушку.

Внутри все ухнуло. Заберет кошель? Изобьет? Осильничает? Мысли были одна другой гаже.

— Что же ты молчишь, голуба моя? — он был одного роста с Дарой, а все же мощнее и тяжелее. Юноша игриво улыбался. — Помнится, ты из голосистых.

Дарина сглотнула ком в горле и побежала к дому Зорки как можно скорее.

Ветряки

Дара старалась не оглядываться. Дыхание сбилось, в груди кололо — то ли от бега, то ли от страха. Она остановилась за соседним домом, притаившись в тени. Смеется богиня Пряха над ее судьбой — новая деревня, а прячется так же, как в Пестрянках.

Девка перевела дух — вроде чисто. Теперь решила дожждаться, когда Зорка останется одна. Дара больше не будет ее пугать, извинится, порадует сластью, купленной на последние деньги. Дарина уже приготовилась сидеть за срубом до самого вечера, но Доля улыбнулась горемыке. Зорка вышла в огород покормить курей. Пока плакальщица насвистывала веселую песенку, Дарина медленно двигалась к ней, тревожно оглядываясь по сторонам. Сердце екнуло, когда краем глаза заметила алую рубашку вдалеке. Тать заметил ее, скрестил руки на груди, но ближе не подошел. Верно, испугался, что люди могут заметить. Сглотнув комок, Дарина двинулась к ограде Зоркиного хозяйства.

— Зорка, здравствуй, — черная тихо позвала девушку из-за угла дома, но плакальщица услышала, оглянулась. — Мне так жаль, что я напугала тебя в нашу прошлую встречу. Я не хотела!

Зорка наконец увидела ее и давай вопить, звать батьку. И сразу сиганула в дом, будто полевая мышь в нору.

— Зорка, стой! Я только хотела извиниться, — Дара аж через оградку наклонилась, едва в грядку с укропом не сиганула. — Я принесла гостинцы!

Позади нее раздался стук — это дверь отворилась.

— Ну, ведьма! — тяжелые руки оторвали от земли и, словно Дара мешок картошки какой, бросили на пыльную дорогу. Девка даже пикнуть не успела, внутри все скрутило от страха. Батька Зорки ударил Дарину по лицу с таким оттягом, что глаз едва не выпрыгнул из глазницы. Такая боль завывала волком в голове, в висках пульсировало, а мир вокруг плыл.

Люди вокруг столпились, слышались шепотки и чей-то топот. Мужик, чуть ли не как бык, пускал пар из ноздрей, нависая над девкой. Он шагнул вперед не сразу. Секунду смотрел, как она закрывает лицо руками — точно так же, как когда-то он сам.

— Отошел, — поджарый мальчишка в алой рубахе преградил путь. Столкнулись разъяренный бык и дикий кот. Мужик замахнулся, со всей силы рассекая воздух, но юнец увернулся. — Ты уверен, что хочешь проблем с табором? — ненависть в его глазах не просто угадывалась, а читалась.

— Вали отсюда, ветряк! Даже носу к моему дому совать не вздумайте, — батька Зорки сплюнул под ноги и пошел в дом, раздавив при том красного петушка под ногами.

Голова гудела, пыльная дорога качалась под ногами. Хорошо хоть Ярило клонилось ко сну, разукрасив небо алыми лентами у самого горизонта.

— Злющие здесь люди, — если бы юнец не вел ее за руку, то Дарина дошла бы до укрытия лишь к ночи.

— Везде они злые, — боль в скуле разливалась жидким пламенем. Дара прижимала прохладную ладонь к ушибу, надеясь унять боль. Бабка в таких случаях заговаривала раны да синяки, а то и вовсе делала припарки. Пожалуй, следует заглянуть в ее травник. Часто ей нынче приходится терпеть побои.

— Мы, дети Ветра, не злые.

Они дошли до края деревни, к месту, где забор косился сильнее всего. Юноша сел на землю, подобрав ноги под себя. Потянул за собой и Дару.

— У тебя синяк на синяке, — по-свойски он вертел Дарину голову из стороны в сторону, задумчиво разглядывая побои. Пальцы его оказались крепкими и шершавыми.

— Наверное, ты из добрых чувств дурил старика, — стояло ей облокотиться на забор, вытянуть ноги, как мир стал кружиться намного меньше.

Мальчишка засмеялся, смех его был бархатистым и теплым.

— До чего ж глазастая девка, — он сорвал травинку, потирая ее между большими пальцами. — Ты верно заметила, из добра все делал. В его-то годки пора уж знать, что нельзя незнакомым людям так вот слепо доверять. Глядишь, хоть на разум научил.

Дарина лишь хмыкнула в ответ, подставляя лицо прохлад-

ным порывам ветра. Лицо все еще пылало, а щека ныла и пульсировала. Уж не этот ли урок ей вталдычивает Макошь?

— Гляжу, ты не здешняя, — ветряк не спросил, скорее сказал факт.

— С чего взял? — девка повернулась к его лицу с такой резкостью, что ушиб вспыхнул новой болью.

Юнца, видно, позабавило ее удивление.

— Уши греешь часто. Ходишь, как куница, прытко, но по сторонам оглядываешься, будто бежит кто за тобой. И все равно умудряешься то локтем по боку получить, то тюком по темени, — девка не отводила глаз, все шурилась разгадать подвох в хищном прищуре. — На торгах тебя сегодня заметил, — мальчишка развел руками и невинно улыбнулся. — А Яснобор — местечко шумное, мало тут до кого дело есть.

— И ты не местный, — тут же отчеканила Дарина. Отчего-то холодок прошелся по телу, будто под кожей зароились букашки. Как ни пытайся смешаться с толпой, а все равно заметная. А вдруг кто из Пестрянок в Яснобор придет, сразу узнает — и что тогда? Мурашки забегали по спине.

— А у меня нет места. Мой дом — табор, а жизнь — дорога, — улыбка сошла с мягких и приятных губ. Ветряк посерьезнел разом.

Тяжело быть без дома, без корней. Не Дарине ли это понимать. Ее бросало в пот от одной мысли о бесконечном пути. Иногда ей снились сны, как она бродит по миру в поисках Ельника, но все впусте. Дни сменяются ночами, месяцы

— годами, а она все бродит, босая, грязная, неупокоенная. В такие ночи она спит особенно плохо, а просыпаясь, сильнее зарывается в платок Любимы. Тогда ей думается, что она спит на лавке в теплом доме. И душевная боль засыпает на какое-то время.

— У меня тоже нет места, — тонкие пальцы нащупали бабкин оберег, и тревожное сердце замедлило ход.

— Видно, ты девка бедовая, — бархатный смех утонул в шуме листвы. — Надо от тебя подальше держаться.

Тут и не поспоришь. Недоля уже давно сидит на шее, да болтает ножками.

— Вот и держись, — бесцветным голосом сказала Дара.

— А я люблю смеяться бедам в лицо, — ветряк поднялся на ноги, подал руки Дарине. Один рукав рубахи завернут до локтя, а второй спадает на запястье.

— Ну и дурак, — девка приняла руку, и щеки запылали вновь.

Ветряк представился диковинным именем — Мурша. Он покинул ее, не доходя до карчмы. Небо к тому времени совсем потемнело, а белый серп занял ночной трон.

Этой ночью Дарина долго не могла уснуть: мысли роились об ужасном будущем — остаться здесь, в Ясноборе, не на сундуке, а бродяжкой, без имени и бабкиной силы. Нет зацепок, а единственная плакальщица бежит от Дары, как от огня. Безднадега накрыла Даринку колючей шалью, а ушибленная щека заныла. А не наведаться ли мне к Зорке после

расправы в Пестрянках? Девка представила, как анчутки выползают из теней в избе, тянутся своими мелкими когтистыми лапами к Зорке и выцарапывают глаза. На лице Дарины расцвела улыбка.

Проснулась она, по обыкновению, из-за шумов в карчме. перебранок, стука дверьми и разговоров. Слух выцепил фразочку, которая змеей заползла в разум, свернулась в тугой комок.

— ... про мертвых спрашивала, сама слыхивала.— Душу ходит бередит Зорке...

Дарина ажно с сундука свалилась. Красный выцветший платок упал на пыльный пол. Девка приоткрыла зановеску, разглядывая сплетниц.

Совсем рядом находился маленький столик на две персоны. С одной стороны сидела бабка в голубом платке, с другой — баба с водянистыми глазками.

— Говорят, она Зорку за косу оттаскала. Наша девка-то не водится с нечистью. Вот ведьма и рассвирепела.

— Брешишь! — бабка наклонилась поближе к спутнице.

— А вы у тетки Залавы поспрашивайте. Она-то напротив ихнего дома живет.

— Тьфу-ты, нечисть в деревню впустили, жди беды!

Дара съежилась. Как ни крути, а ведьминская кровь везде видна. Не желала она зла Зорке, а теперь вон как все обернулось. Девка вспомнила хруст петушка под тяжелой ногой бати Зорки. Вот так значит! Она с добром, последние отда-

ла, а ее сразу поносят. И ведь оступилась всего раз. Не ровен час — и здесь к столбу припрут, да сено подожгут.

Дарина сморгнула злые слезы и почти выбежала из карчмы, но тяжелая рука перехватила девичье предплечье. Дарина вжала голову в плечи, зажмурила глаза. Неужели карать идут?

— Девка, — раздался скрипучий голос над ухом, — ты грамотку знаешь?

Дарина оглядела мужика с ног до головы. Высок, не молод. На правом глазу бельмо, а в остальном обычный мужик.

Она несмело кивнула и взяла заказ. Получив заветную берестянку с письмом, заказчик заплатил шесть медяков и направился к выходу. Там его ждал тот самый старик, которого Дарина не дала обвести вокруг пальца. Он приветственно кивнул писарице, а та вернула ему медяк, как и обещала.

Дни в Ясноборе стали похожи друг на друга, как медяки в кошельке, — одинаковые, тусклые, быстро исчезающие. По утрам Дарина просыпалась от запаха кислой каши и дыма из кухни. Карчма жила своей жизнью — скрипела лавками, ругалась голосами, стучала посудой.

Она садилась в свой угол, раскладывала бересту, чернила, перо. И ждала.

— Девка, напиши письмецо моей мамке.— Государыня, подмогни посчитать тут.— Грамотейка, черкни записку куме.

Она писала. Медленно. Старательно, чтобы не ошибиться, а то Яда расстроится. При этом каждой честно отдавала

медяк за приведенного клиента.

За день выходило семь, восемь, редко — десять медяков. Половина уходила на постой. Остальное — на яблоки, хлеб, редкий кусок сыра.

Она считала каждый. Иногда по вечерам пересыпала их из ладони в ладонь — слушала звон и думала: еще немного. Еще чуть-чуть — и хватит на дорогу.

Но «чуть-чуть» всё не наступало. По ночам она перечитывала записи плакальщицы. В десятый раз. В двадцатый. Искала слово, знак, намек, но впусе. Все упиралось в клятый Ельник.

Дарина почти не выходила из карчмы, сидела в самом дальнем углу, как мышь в амбаре, и слушала:

— Слыхали, что ведьма Зорку прокляла? Бедняжка пол ночи животом мучилась.— У Паньи лучшие обереги в лавке. Я себе три взяла!— Цены на одежду скоро вырастут, надо уже сейчас закупаться.— Где лучше всего купить коня?

Не зря Яда говорила: каждая сплетня по-своему полезна. Потому Дарина и с сундука своего вставала нынче редко.

Она провела в Ясноборе седмицу и уже привыкла к гудению карчмы, но в этот раз все было иначе. За окном стоял пасмурный день, первый за долгое время, однако люди толпились на площади.

— Беяна, — Дарина позвала подавальщицу, прилипшую к окну. Девка жадно старалась разглядеть гульбу на площади, но тщетно. — Сегодня праздник какой-то?

— Ветряки в деревню воротились, сегодня гудеть пол ночи будут, — Беяна будто равнодушно глянула в сторону шума и отошла к стойке печально протирать стаканы.

Дарина за седмицу больше не видела Муршу, встречи намеренно не искала, а все же гадала, заскочит ли пройдоха в «Добрый солод». Интересный все же народец. О них она и не слыхивала раньше. Полдня девка терзалась: идти — не идти? И только когда начало смеркаться, решилась. А ну как и не взглянут на нее в толпе-то?

В этот раз торговый ряд был заставлен не только лотками с товарами. Дарина насчитала три пестрые палатки. У той, цвета звездного неба, стояла такая очередь, что девке и представить было трудно, что там творится. Две другие — зеленая и голубая — стояли поодаль, почти без людей.

Напротив самой людной палатки, чуть в стороне, возвышался тканевый короб с большим оконцем. Расписной, украшенный лентами и яркими платками. На одной стороне — степь, на другой — лесная дорога. Вокруг сидела детвора: кто на скамьях, кто прямо на земле. Меж рядов сновала девчушка — такая же смуглая, как Мурша. Она ловко перескакивала через людей, побрякивая юбками со стальными чешуйками.

— Один медяк за представление, два — за скамью, — приговаривала она, протягивая бархатный мешочек, куда звонко сыпались монеты.

Людей становилось всё больше.

Слева от короба появилась темнокожая женщина с пышной копной черных волос, вплетенных лентами. Юбка ее пестрела слоями и цветами. В руках — флейта. Рядом стоял мужик с гусями, в выцветшей голубой рубаше, оттенявшей синеву его глаз. В каждом ухе блестело кольцо-серьга.

Только заиграла мелодия, как из короба показались две куклы. Они танцевали и резвились, пока чей-то голос баял рассказ под музыку:

— Это история приключилась с прекрасной Дэей. Она жила высоко в горах, куда не мог добраться ни один княжич...

— Эй, ты заплатила?

Девчонка с мешком уперла руки в боки, сердито глядя на Дару.

Та потупилась и отошла.

Ничего подобного она прежде не видела. Пусть Яда и травила байки, а такого не показывала. Да и в Пестрянках подобного сроду не бывало.

Несколько медячков звякнули в кошельке, призывая вернуться, но Дара твердо решила копить до настоящего города, где водятся больше плакальчиков.

Лишь теперь она заметила, что темнокожих людей в пестрых одеждах стало больше. Каждый показывал свое искусство. Дарина остановилась возле двух высоких шестов, между которыми была натянута веревка. Под ней юноша жонглировал ножами.

— Восхитительная, прекрасная Динара покажет, как может

укрощать высоту! Три медяка — и чудеса девичьих ног ваши.

Дарина поглядела на юношу с ножами. Как ловко он ими игрался. Не всегда даже углядишь за быстротой рук, но все же пошла дальше.

Возле лавки с лентами стояла девица с венком из полевых цветов. Юбки ее переливались красками. Глаза были подведены сурьмой, губы алели. Не ихняя, подумала Дарина, только кожа светлее — а так ветрячка, как есть.

Толпа сомкнулась вокруг красавицы. Зазвенели бубны, застучали ноги, раздался одобрителный гвалт. Дарина видела лишь, как девица взмывает ввысь, приземляясь на руки.

Детвора носилась в разные стороны. Мужики глазели, бабы судачили. Весь люд был взбудоражен.

— Люди добрые, бесплатно, проходите, занимайте места, — кричал зазывала.

Дарина и не хотела идти. Чуйка ей подсказала, что рядом с ветряками вряд ли может быть что-то бесплатное, но толпа сама понесла к представлению.

Мурша! Дарина замерла, в груди екнуло от знакомого лица. Он стоял в центре круга, то махал руками, то делал колесо — на одной руке, на двух.

— Кто уложит этого пройдоху в кулачном бою, получает десять медяков, — кричал другой парнишка с вьющимися волосами и тремя серьгами в одном ухе. Он тряс кошельком, показывая зевакам наличие монет. — Но проигравший пла-

тит три!

Мужики загудели. Многие здесь были раза в два больше и выше Мурши. Прихлопнет — и не заметит. Дарина встала как вкопанная, не отрывая взгляд.

Толпа сомкнулась плотнее, будто кто-то стянул ее невидимой веревкой. Запах пота и дешевого пива ударил в нос. Кто-то засвистел, кто-то засмеялся.

— Ну что, кто первый? — Мурша раскинул руки, будто приглашая в пляс. — Или тут одни бабы поглазеть пришли?

Вышел первый мужик. Он был широкий, как бочка. Стянул рубаху через голову. Ноги у него были кривые, а кулаки чуть ли не с Даринину голову. Он почесал бороду и сплюнул в пыль.

— Давай, — только и сказал тот, опуская медяки в кошель по требованию зазывалы.

Уголки губ у Мурши дрогнули, но едва заметно. Улыбнулся и завел свой пляс.

Кто-то хлопнул в ладони.

— Давай!

Мужик рванул вперед, как бык. Тяжело, шумно, не думая. Кулак полетел, уверенный и твердый.

Дарина вздрогнула, уже примиряясь, какой будет боль от удара и сколько дней будет сходить синяк.

Но Мурши там уже не было. Он скользнул вбок, легко, будто его кто потянул. Кулак прошел мимо, рассек воздух. Мужик вложил все силы в стремительный удар, а потому по-

качнулся. Мурша уже оказался сзади, отвесил пинок под зад.
— Ах ты паскуденыш, — заревел тот и не думая замахал ручищами, старательно целясь в ветряка.

Толпа засмеялась. Даже Дарина поймала себя на улыбке.
Мурша чаще уклонялся, чем бил. И лишь когда мужик выдохся, ветряк ударил быстро, но не сильно. Раз — в бок. Два — под ребра. Три — в грудак.

Мужик охнул, будто из него вышибло воздух. Споткнулся — и сел прямо в пыль.

Толпа заревела.

Мурша поклонился.

— Спасибо за танец! — и прыгнул через себя, ловко приземлившись на ноги.

Из толпы вышел второй боец. Молодой, жилистый, с узкими глазами. В рубахе, заправленной в штаны. Видно, ремесло его требует много сил и ловкости.

Он молча скинул рубаху.

— Почему они все раздеваются? — обратился Мурша к толпе. — Вы пришли бока мять али любоваться со мной?

Люди засмеялись, кто хватался за живот, кто за голову.

Дарина же вытянулась, как струна. Этот противник лишь улыбнулся, не поддался на провокацию. Тем он и был опасен.

Они пошли друг к другу медленно, по кругу. Пыль скрипела под ногами. Никто не делал первый шаг.

— Вы будете биться или нет? — выкрикнула баба, лузгав-

шая семечки.

Только вот Мурша больше не улыбался. Он обратил свой взор на противника, будто только сейчас увидел его.

Первым ударил тот. Резко. В челюсть, но Мурша увернулся, не увидел подножки. В последний момент перепрыгнул, да только пока приземлялся, оппонент сделал следующий выпад.

Попал.

Голова Мурши дернулась от четкого удара. Толпа ахнула. Дарина шумно вдохнула воздух, пальцы нащупали желудь на шнурке.

Мурша провел языком по губе — на ней выступила кровь. — Неплохо, — улыбнулся юнец.

И рванул сам.

Теперь всё стало быстро: кулак — плечо — шаг — поворот — удар ногой.

Противник успел закрыться, но Мурша словно обтекал его. Был рядом, сзади, сбоку — везде сразу.

Раз — по колену, ударил ветряк, но меж тем получил в живот. Увернулся от скорого удара. Два — под ключицу локтем.

Мальчишка зашипел от боли. Он попытался схватить Муршу — но тот нырнул вниз, выскользнул, как рыба. И врезал снизу. Прямо в скобленный подбородок.

Голова откинулась. Парень покачнулся... и рухнул на бок. Пыль взметнулась.

Толпа молчала.

— Это было красиво, — дыхание Мурши сбилось. Он протянул руку противнику и помог подняться.

Только тогда Дарина заметила, что вся съежилась, будто она дерется вместе с Муршей. Дыхание стало постепенно выравниваться, как из толпы кто-то крикнул.

— А это не та ли девка, что на Зорку набросилась?

Своя цена

Ветряк велел ждать его на том самом поле, где когда-то пили вино. На улице уже смеркалось, но Дарина этого не замечала. Она глубоко нырнула в омут своих дум и никак не могла выбраться. Ей нет места в Правоярском княжестве. Ее будут искать, пока не стихнет их страх. Только Дара не может сиднем ждать этого дня. Слишком уж засиделась в Ясноборе. Все равно не ясно, где искать этот проклятуший Ельник, значит, и куда податься — тоже не важно. Лишь бы подальше отсюда.

Ельник... Ей вспомнился запах жженных трав, струйка дыма над свечой: *«Не по тому ты пути идешь. Твоя цель будет все время рядом, но ты ее поздно заметишь. Тот, кто не жив, но еще не мертв, ждет этого дня слишком долго»*. Дарина сорвала колосок. Мысли бегали, а руки требовали работы. Она обломала золотой стебелек и взялась за новый. Есть ли вера этим словам? И все же она дорого за них отдала. Только с трудом верится, что в словах есть здравый смысл, а не изъясн почтенного ума. И все же если есть... Стало быть, не той дорогой пошла Дарина. Может, побег с ветряками — не тот путь? В таком случае, есть ли другой? Но как ни глянь, а богиня Пряха поганой метлой гонит из Правоярского княжества. Вынудила покинуть не только малый дом, но и большой.

Вдали ухнул филин. Ярило нырнуло в золотое озеро, уступив власть ночной сестрице. А Дарина меж тем перебирала слова ветрячки, как крупу. Цель рядом — уж не Ельник ли? Но как ни вертела она события прошлого, на ум ничего не приходило. Видать, для красного словца сказано. А уж про неживого, но не мертвого и подавно — не бывает таких. И все же старуха дала ориентир, лишь бы не лживый. *Молодка Елень укажет путь...* Что же это, к каждому в городе али деревне подходить да спрашивать про эту чудо из ворожбы? Так и жизни не хватит, пока она ее отыщет.

Он подошел тихо. Дарина не услышала шагов — то ли из-за шелеста пшеницы, то ли из-за шума дум. Она была бледной и тощей. Сарафан, залатанный и протертый, болтался на девичьей фигуре. Наверное, девица была бы красивой, если бы не голодные дни и тяжесть утраты. Красный платок, по обыкновению, туго затянут. Лишь одна черная прядь едва колыхнется на ветру.

– Совет готов тебя выслушать.

Ветряк уловил взгляд, затуманенный грядущим будущим. Дарина приняла его руку и пошла следом.

Мурша, обычно улыбчивый, сегодня был задумчив, так же как она. Ветряк вел ее вдоль тракта, пока не свернул на лесную тропу.

– Мурша, — Дарина одернула его за рукав, — не боишься Лешего разгневать?

Впервые за вечер такое задумчивое лицо озарила легкая

усмешка.

— Эти леса добрые, — он вошел в лес, с вызовом глядя на Дарину, все еще стоявшую на тропе. — Хозяин Чащоб знает, что мы не возьмем у него больше, чем можно.

— С чего взял, что добрый? — позади нее пело свою песнь золотое озеро, а впереди глушила тишина леса.

— Каждый ветряк чувствует, где ночлег будет ладным, — юноша больше не ждал, когда девка решится. Уверенно скользнул в полумрак и пошел вглубь.

Дарина несмело шагнула следом. И все же лес не был темным. Крона деревьев пропускала свет ночного Владыки. И впрямь, ни ветра, ни возни в листве. Лишь еле заметное дыхание леса: скрип стволов, шелест травы, редкие песни сов.

Он шел впереди уверенной поступью. Девка следом, только ноги то и дело путались в корнях.

— Мурша, я хотела тебя попросить... — теперь он знал о ней намного больше, чем хотелось бы. Дара чувствовала себя почти что голой рядом с ним. Против ее воли он взглянул в самую боль. Быть может, Мурше она и доверила бы свои тяжбы, коли так распорядилась Пряха, но другим... — Не говори табору про меня все, что тебе известно. Все-таки это мое... понимаешь?

Плечи юноши сделались напряженнее, спина вытянулась струной. Ветряк обернулся, окатив ее недовольным взглядом.

— Скажи, что я просто ищу союзников в дальней дороге,

ладно? — девка почти догнала его, чтобы идти вровень.

— Я не буду скрывать правду, — его слова веяли холодом. — Ты втягиваешь нас в свои тяжбы. Неправильно умалчивать обо всем. — Мурша не сказал, а отрезал. Уверенно поставил точку.

Дарина сжала кулаки, плечи сделались каменными — того и гляди треснут. Как можно? Чужую душу — и наизнанку, да без дозволения? Больно правильный стал, а намеренным таким не был. Горло саднило от невысказанности, того гляди лопнет, если промолчит.

— Зато правильно обманывать людей в карчмах, дурить их на деньги в шатрах, — слова ударили в спину. Мурша резко остановился, ошетинился.

— Не смей, — горячее дыхание ударило в лицо. — Ваш народ честен с чужими кошельками, но лжив и жесток к своему же брату. — Девка впервые увидела отвращение во взгляде: к ней или к людям в целом?

Она не нашлась с ответом, но Мурша ударил правдой:

— Не от них ли ты бежишь сейчас? От честных и правильных?

Девка опустила взгляд. Лицо загорелось, ладошки сделались влажными. Ветряки свою правду видят, а у Дарины она другая. Но с юношей спорить не стала.

Дальше шли молча, но благо недолго. Лес редел с каждым шагом. Свет огня показался сквозь темные стволы деревьев. А за ними — небольшая поляна.

— Пришли, — Мурша расслабил плечи.

На поляне горел большой костер. Он был настолько велик, что освещал почти всю поляну. Вокруг него плотным кольцом сидело по меньшей мере девять человек. Они гудели, смеялись, кто-то даже играл на бубне. Позади них стояло две кибитки: один ветряк запрягал вороного коня. Трое грузили повозки, уже запряженные конями. Дети бегали в разные стороны: то запрыгивали на коней, то ползали под повозками.

— Совет ждет тебя у костра, — Мурша смотрел на табор неотрывно, на лице едва играла улыбка. Несомненно, гульба родичей, смех и музыка делали его счастливым. — Перед ними сама за себя ответ держи. — Он даже не посмотрел на нее, двинулся к свету огня.

Когда Дарина вслед за Муршей подошла к костру, смех стих. Ветряки и ветрячки хмурили брови, смотрели волком. Некоторые из них встали, забирая бубны, закрывая бурдюки. Кто-то, наоборот, расселся нарочито вальяжно, не сводя любопытных глаз.

— Баро, — Мурша кивнул мужику в неприметной рубахе. Тот сидел, скрестив ноги. На морщинистом лбу лежали едва седеющие локоны. Среди всех он выглядел самым бедным — ни серег, ни браслетов, ни перстней.

— Тагари, — молодой ветряк отвесил поклон другому. То был старик, почти слепой и хворый. Его ноги были босые, грязные, с раздутыми шишками на суставах.

Дарина не понимала, как два человека могут быть советом. Но когда они взглянули на людей у костра — те сразу покинули насиженные места. Даже Мурша отошел в сторону. По спине пробежал холодок. Девка затянула платок ту же, нащупала желудь на шнурке. Было неуютно находиться на ночной поляне среди таких далеких от ее жизни людей.

— Садись, гав-джа, — первым с ней заговорил Баро. У него был грубый голос, не терпящий возражений. — Правды в ногах нет.

Дарина повиновалась.

— Мурша рассказал о твоём нелегком пути, — в лицо, будто угли бросили. Девка оглянулась на ветряка. Юноша стоял неподалеку, но все же далеко от костра. Он глядел на Дарину, облокотившись на кибитку. Его лицо, будто восковая маска, не выражало эмоций.

— Слухи всегда расцветают в чужих устах, — скрипучий старческий тон так контрастировал с резкой манерой Баро. — Что из них правда? — спросил Тагари.

Будто ножом резали по живому, возвращали ее в тот день. От запаха костра мутило, бил озноб. Из всех сил она держала в себе боль, рвущуюся наружу. Голос едва не дрогнул, но она все же сказала правду. Коротко, четко. И лишь о том, как душегубы спалили бабу живьем, о том, как сбежала из деревни, страшась дальнейшей судьбы. И как боится теперь гибели. Призналась и в том, что нет в ней даже крохи бабкиной силы.

— Неужто не позаботилась ведьма о внучке? — позади раздался знакомый голос. Между Баро и Тагари села старуха с трубкой. Она выглядела точно так же, как в их последнюю встречу. — Почему силу не передала? — большие серые глаза пронзали насквозь. Ее вопрос ударил под дых.

— Не успела, — Дарина скукожилась, будто удар был настоящим.

— Или не захотела? — старуха почти не моргала, жадно потягивая трубку.

Девка сжала руки в кулаки, но предусмотрительно спрятала их в складках сарафана. Зубы закрипели, губы сжались в тугую линию. Откуда старухе знать, чего хотела Яда? Уж не ее ума это дело. Дарина с Ядой жила, ею и взрощена. Потому она знает лучше, чего хотела ее бабка.

— Отвечай, — ворожея не просила, приказывала. — Зачем с мертвыми хочешь говорить?

Баро, жилистый и коренастый, выпучил темные глаза.

— Как можно нарушать покой тех, кто ищет новый путь в посмертии?

Ветрячка взмахнула рукой. Лязгнули браслеты.

— Не сотрясай пыль, Баро. Никому это не под силу.

Баро взбеленился, даже Тагари неуютно поерзал на месте. Все мы разные люди, а страх одинаковый, подумала Дарина. Все страшатся Той стороны. Может, сейчас никто и не говорит с мертвыми, но раньше-то держали с ними связь. Значит, и знание это осталось — в письменах или еще где.

— Ну? — ветрячка наклонилась в ее сторону, аж трубку в сторону убрала.

Дара тянула с ответом. Мурша выдал о ней все без утайки, но есть то, что знала только она. И эти помыслы останутся с ней. Ни к чему чужакам знать о ее будущей силе.

— Перед бабкой хочу повиниться, — лгала девка. — За то, что не уберегла от смерти. — Изо всех сил скрывала, как ее трясет от Марики: старуха будто знала, куда бить, чтобы сделать больно. — А ответа ее жду, чтобы прощение получить. Горестно без него.

Старуха затянулась. Седые брови сомкнулись на лбу, проложив глубокую морщину. Вот и ты слышала не то, что хотела, ликовала Дарина.

— Так а мы тебе зачем? — Баро почти не говорил, скорее гавкал. Видно, что беседа его утомляла. Он недобро косился на Дарину.

— Вместе всякое проще, чем по отдельности. В дороге можем друг другу помогать, — ранее девку тяготили другие мысли, оттого она не успела придумать своей пользы для табора. Было наивно полагать, что те помогут из добрых чувств.

Баро засмеялся. Эхо гортанного смеха достигло каждого ветряка на поляне.

— Верно говоришь. Нам вместе сподручнее, — он ткнул коротким пальцем в ее сторону. — Но ты тут каким боком? Где с тебя польза?

Даре сделалось неудобно сидеть даже на мягкой траве. Ей нечего предложить. Что с нее возьмешь?

Трещали угли в костре, дышал лес, а ему вторил ветер.

— Тебе нечего предложить, — Баро сделался серьезным. Он потер щетинистую щеку и поднялся, чтобы уйти прочь. То значило, что разговор закончен.

— Есть, — Марика смотрела на Даринкин оберег. — Отдай нам этот желудь и можешь рассчитывать на наш кров.

— На что нам эта безделушка? — мужик глядел то на Дару, то на старуху.

— Это не безделица, — глаза ворожейки горели возбуждением. — С этой вещицей мы сможем останавливаться на любых полянах. Нам даже Зимовидов лес не страшен. Только подумайте, — старуха положила руку на плечо Тагари, держала взгляд на Баро. — Не страшны лесные твари. Сам Хозяин Чащоб не властен над нами.

— Дорога через лес сократила бы много времени в Сиверском княжестве, — качал головой старик.

Даринке на голову будто мешок напялили. Дышать тяжело, сердце бьет по ребрам. На самое ценное зарятся.

— Оберег не продается, — девка накрыла желудь рукой. Если захотят силой отобрать, она будет бить, кусать, пинать.

— Такова наша цена, — Баро навис над ней скалой, сплюнул ей под ноги. — Либо так, либо иди прочь.

Грузный мужик давил взглядом сверху вниз. Девка встала, чтобы не чувствовать себя меньше обычного. В груди

жгло от досады. Не может она уйти, но и желудь не отдать. Иначе она сиганет в петлю — и пропади все пропадом. Такое отчаяние сдавило от собственной бесполезности. Как жила все годки? Каши варила и... грамотку учила.

— Я могу научить вас грамоте, — аж камень с души упал. Вряд ли среди них есть грамотеи.

— На что она нам? — Баро отмахнулся от предложения, как от назойливой мухи. — Жили без нее и столько же проживем.

И снова Дара в тупике. Все члены совета прожигали взглядом, давили, ждали ее решения. Девка, будто мышь, зажата в углу. Дарина заметалась взглядом по табору: чем же она может быть полезна для них? Встретилась взглядом с Муршей. Чем он полезен для табора? Зарабатывает представлениями, тут же нашелся ответ. Рядом с ветряком стояла баба. Дарина узнала ее — именно она тогда играла на флейте возле кукольного представления.

— Уходи, гав-джа, если тебе нечего предложить, — с места поднялась и Марика.

— Нет, стойте! Я могу... я... — Дарина чувствовала, что может быть полезна, вот только чем? Она не умеет играть на инструментах, ходить по канату, баять сказы, обманывать других так, как Мурша с тем письмом. Но она умеет писать, а если и толково думать, можно свои байки на бумаге записывать.

— Я могу научить вас писать, а вы, — у нее почти оборва-

лось дыхание — настолько быстро колотилось сердце, — обратите слова в книги. О прекрасной Дэе, что жила высоко в горах и куда не мог добраться ни один княжич.

Ветряки молчали.

– И каждая книга будет дороже предыдущей.

– Не у всех есть деньги, чтобы учить грамоту, — не резко, но с сомнением сказал Баро.

– Верно, — согласилась Марика. Она поняла раньше. — Только богатеи знают грамоту. У них и есть нужда в книгах.

– Значит, и платят они не за хлеб, а за ладную байку. За слово, что не всякому доступно, — Дара чеканила слова, глядя на каждого члена совета.

– Купцы, князьи писцы, боярские дети... Им не куклы нужны, — закончил мысль Баро. На лице просияла улыбка.